

КАЩКАЯ ЛЕГОНІСЬ

№ 2
(182)
ВЕСНА
2017
года

Кадка. Весна. Староселье.

Снимок Александра Юрьевича Быкова, д. Мартыново, 2017 год

Журнал краеведов
Кацкого стана
(волости Кадки)
«Кацкая летопись»
№ 2 (182)

весна 2017 года
Цена свободная

Журнал является
преемником газеты
«Кацкая летопись»,
выходившей в 1992-2002 гг.

Редакционная группа:
О.А. ПЕРОВА
С.Н. ТЕМНЯТКИН
Т.А. ТРЕТЬЯКОВА

ИЗДАТЕЛЬ
МУК ММР «Этнографический
музей кацкарей»

АДРЕС РЕДАКЦИИ
И ИЗДАТЕЛЯ:
152846, Ярославская обл.,
Мышкинский р-он,
д. Мартыново,
ул. Музейная, д. 27
ТЕЛЕФОН В МАРТЫНОВЕ:
(48544) 3-27-36
ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
katskari@yandex.ru
temnyatkin.s@mail.ru

Публикуемые материалы
не обязательно отражают
точку зрения редакции.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Присылая в редакцию журнала
любые материалы, вы тем самым
подтверждаете своё согласие
на публикацию и распростране-
ние текстов, их фрагментов, гра-
фических изображений и фото-
графий, а также лиц, изображён-
ных на них, в изданиях «КЛ», од-
новременно предоставляя редак-
ции право на редактирование
текстов в соответствии со специ-
фикой издания.

© «Кацкая летопись»
Перепечатка –
обязательно со ссылкой
на «КЛ»

Номер набран и сверстан
в МУК ММР «Этнографический
музей кацкарей»
(д. Мартыново
Мышкинского района
Ярославской области),
Отпечатан в ОАО «Полиграфия»
(г. Ярославль,
ул. Республиканская, д. 61)
Заказ 1407 Тираж 800

**НОМЕР ИЗДАН
НА СРЕДСТВА ЯРОСЛАВСКОЙ
ОБЛАСТНОЙ ОБЩЕСТВЕН-
НОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
КРАЕВЕДОВ «КАЦКИЙ СТАН»**

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НОМЕРУ

ТАК И ЖИВЁМ

Лишь бы «пырчик» не подвёл!.....3 стр.

ФОТО НА ПАМЯТЬ

На первом месте
была работа.....4 стр.

КАЦКИЙ СТАН СЕГОДНЯШНИЙ

Современные новости древней Кадки.....5 стр.

КАЦКИЙ СТАН ПОМЕЩИЧИЙ

Татьяна Третьякова
Кацкарь Тресневский –
участник Бородинского сражения.....6-8 стр.

ПО СТРАНИЦАМ «КЛ»

Борис Фёдоров
Надежда Абрамова
Снимок из архива Пятницких – 29 стр.
Алексей Виноградов
Уточнения бывшего почтальона.....9 стр.

РОДНОЕ ПРОШЛОЕ

Павел Голосов
Детские игры кацкарей
послевоенного поколения.....10-11 стр.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

«Храни родную землю».....11 стр.

ЧТЕНИЯ, КОНФЕРЕНЦИИ

Ирина Шихваргер
Глазами заволосного гостя
(заметки с XVII-х Кацких чтений).....12-14 стр.

ПОБАХОРИМ ПО-КАЦКИЕ

Воровка – вповалячкю.....15-16 стр.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КЛ»

Надежда Соломонова
«Поговорим про жизнь
в колхозной деревне».....17-24 стр.

СПРАВКА «КЛ»

Старые публикации про колхозы.....24 стр.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Денис Бурмистров
И был у кацкарей... город.....25 стр.

КАЦКАРИ

Рождествено. Есть женщины26-27 стр.

А НАЗАГЛЯДОЧКУ

Павел Голосов
Разговор с прошлым.....28 стр.

ПРИМЕЧАНИЕ

Дореволюционные даты в статьях номера оставлены как в докумен-
тах, без перевода на новый стиль. При желании читатели могут сде-
лать это самостоятельно. Напоминаем, что пересчитывая старый
стиль на новый, к датам XVI-XVII веков прибавляют 10 дней, XVIII-го
– 11 дней, XIX-го – 12 дней и к датам XX века до 1918 года – 13 дней.

Так и живём

Лишь бы «пырчик» не подвёл!

В Мякишеве – торг. Чета угличских предпринимателей Тиховых ловко разгружает из «Газели» коробки прямо на луговину, а вокруг снуют покупатели. В коробках – продукты от колбасы до печенья. Покупателей – шестеро: четверо мякишевских и двое из Мелехова. Берут помногу: автолавка приходит раз в неделю, ну а мелеховские и вообще «выбираются в люди» дважды в месяц.

Мелехово – деревня дальняя. Стоит она на высоченном берегу в низовьях реки Кадки и в старину была весьма населённой... Сейчас же в трёх домах пять постоянных жителей – вот и всё население. Асфальт километрах в трёх – в Ильинском, да вот беда: Ильинское на правом берегу Кадки, а Мелехово – на левом.

Моста нет. Ещё недавно выручали пешеходные лавы, да и их не стало. Летом перебираются вброд, зимой – рискуя, по льду. Река-то наша хоть и невелика, но коварна: с быстрым течением и родниками – зимний путь ненадёжен. Олег Юрьевич Малков, вот, провалился – выплыл и не нарадуется: слава Богу, течением под лёд не затащило!

Лавы-то, конечно, надо бы и восстановить; власти перед выборами обещали, но выборы прошли, а обещание позабылось. Почтальон, бедный, разделся, а пенсию доставил – и это в октябре-месяце, по ледяной воде!

Вот и получается, что надёжнее на большую землю выбирать не через Ильинское, а через Мякишево. Не ближе, зато не надо перебираться через Кадку. От Мякишева начинается асфальт, сюда же еженедельно навевается автолавка.

– Ездили бы и до Мелехова, – говорит предпринимательница Зинаида Николаевна, – как бы не тамошние ручьи!

Но мелеховские и тому рады. У Вячеслава Александровича Курятникова свой колёсный трактор «Т-16» с тележкой перед кабиной, или «пырчик», как его здесь называют. На нём-то и отправляются раз в две недели, рискуя застрять в Студенце, в непростое трёхкилометровое путешествие по грунтовой дороге за товаром. Чаше не ездят – боятся, как бы не поломалось единственное их транспортное средство: запчасти, да и сольерку тоже, в такой-то глуши надумаешься где и достать!

– Ну ладно, хлеб-хлебом, а если, к примеру, заболете?

Вопрос простой, но мелеховские

смугились:

– Да мы, вроде, и не боеем... Какое нам болеть... Лечимся сами! Раз в неделю приезжает терапевт в Ульяновкино, дак это и далеко, и опять-таки за Кадкой. Бывает, вызываем и скорую, но она доезжает только до конца асфальта, а уж ей навстречу мы сами: то на буране, то ещё на чём. Летом, вот, на лодке, которая нам осталась с колхозных времён. Нынешние-то хозяева колхоза, слава Богу, её не забирают, дак мы за ней следим – бережём лодку-то...

В общем, медицина, почта, рейсовый автобус до Углича и даже кладбище – всё за рекой, и без пешеходных лав в Мелехове, пожалуй, не выжить. Что же власти так тянут!?

– Не можем найти подрядчика! – сетует хозяйка здешних мест глава Головинского сельского поселения Угличского района Татьяна Нико-

лаевна Малофеева. – Конечно, пешеходная переправа через Кадку при Мелехове очень нужна и не такая, которую бы сносило при каждом разливе воды, а долговременная. Проект её строительства поселение сделало ещё в прошлом году. Получилось 250000 рублей, но никто за такую сумму не берётся. На место выезжали уже двое потенциальных подрядчиков, но отказались оба. Для них это дешёво, да и понятно: один только подвоз стройматериалов по бездорожью чего стоит! Однако от намерения сделать для мелеховских надёжную переправу мы не отступаем и сейчас подыскиваем другие варианты.

...Пятеро мелеховских пенсионеров в будущую переправу верят и не верят. И ждут её, и не ждут. Приноровились уже жить даже не на краю цивилизации, а где-то за краем. Вот, даже не болеть научились. Лишь бы угличские предприниматели Тиховы не оставили свой торг в Мякишеве. Да «Т-16» – «пырчик» – не подвёл!

Сергей Темняткин

А бывает, в магазин за покупками из дальних деревень добираются так... д. Мартыново, 16 июня 2016 года.

Снимок С.Н. Темняткина

Фото на память

На первом месте была работа...

Когда тебе сорок два, жизнь представляется бесконечно долгой. Кажется, что всё ещё успеешь сделать: построить дом, посадить дерево, вырастить ребёнка. Вот и мы с Денисом Александровичем Бурмистровым общались неспешно, исподволь обсуждая его творческие планы. А их у него было много: написать краеведческое исследование о дорогах Нечерноземья, записать воспоминания о чернятинском детстве, составить родословную, создать серию краеведческих рисунков, разобрать архив деда – заядлого фотографа Павла Константиновича Лебедева. Так и жили: от звонка до звонка, от письма до письма, пока не позвонила его мама:

– Денис Александрович сегодня умер...

В его сердце были две родины: Москва, где он родился 29 декабря 1974 года, и Чернятино – деревня в Нижней Кадке, откуда его предки. В Москве – учёба: в общеобразовательной школе № 449, в Московской школе художественных ремёсел, в Государственной академии сферы быта и услуг. В Чернятине – долгожданные каникулы у любимых дедушки и бабушки Павла Константиновича и Валентины Александровны Лебедевых. По специальности Денис Александрович – художник декоративной росписи по металлу, мастер-исполнитель, художник декоративно-прикладного искусства. А по душевному влечению ещё и краевед-исследователь – человек, которому было бесконечно интересно и дорого всё, что связано с Чернятином, Нижней Кадкой, кацкарями.

Есть такая известная фраза: «На первом месте у него работа», – это и о Денисе Александровиче Бурмистрове. С 1999 года и до своего последнего часа он работал преподавателем в Московском художественном политехническом лицее (сейчас, после череды реорганизаций, это учреждение вошло в Первый Московский образовательный комплекс). И когда только всё успевал!? Помимо преподавательской деятельности занимался академическим рисунком, графикой, информационными технологиями, мультимедиа, флеш-анимацией; Денис Александрович – автор 106-ти образовательных фильмов и роликов.

А уж всех выставок и конкурсов, в которых он успел поучаствовать, и не перечислишь! Вполне заслуженно с 2013 года он член Творческого союза художников-педагогов и с 2014-го – член Творческого союза профессиональных художников.

И при всей своей невероятной загруженности у него всегда хватало времени и сил для любимого Чернятина. После смерти дедушки

и бабушки хранителями родового дома стали он и его мама Татьяна Павловна Бурмистрова, переезжавшая в деревню на лето. От Москвы до Кадки – почти триста километров и пять-восемь часов в пути, но это не останавливало Дениса Александровича, даже если доводилось ехать в ночи. И даже если нездоровилось, как нынешней весной. В Чернятино он буквально рвался, и есть в этом что-то мистическое, что не в городской квартире, а на дедовой кровати в крестьянской избе и призвал его Господь 16 мая 2017 года. Инсульт...

Когда мы об этом узнали, номер «КЛ» был почти сверстан. И в нём на 25-й странице читательский запрос от Дениса Александровича «И был у кацкарей... город» с нашим ответом. Запоздалым ответом, как оказалось. Но материал снимать мы не стали: пусть на журнальных страницах наш верный друг и читатель будет живой! А Денис Александрович умел быть другом – щедрым и бескорыстным. Он постоянно с нами делился: рисунками и фотографиями, статьями и

рассказами. Что-то, как триптих «Предание о Кадке», экспонируется в Этнографическом музее кацкарей, а что-то будет непременно опубликовано в «КЛ».

Жаль только, что сам Денис Александрович уже ничего не увидит и не прочтает. Обидно, что смерть забрала его в самом расцвете творческих сил, и ненаписанного, ненаписанного, несфотографированного и не высказанного осталось неизмеримо больше. Что тут сказать в утешение? На всё воля Божья!

Денису Александровичу – Вечная Память. А вы, дорогие читатели – пожалуйста – себя берегите...

Ваша «КЛ»

Денис Александрович Бурмистров с мамой Татьяной Павловной на крыльце музейной избы на две половины, д. Мартыново, 20 августа 2014 года.

Снимок С.Н. Темнятина

Кацкий стан сегодняшний

КАДКА ПРАВОСЛАВНАЯ: АРХИЕРЕЙСКИЕ СЛУЖБЫ В РОЖДЕСТВЕНО

Начнём с исправления ошибки: в прошлом (№ 1 (181), зима 2017 года) выпуске «КЛ» мы написали, что 27 ноября 2016 года в селе Рождественско-Кацком состоялась первая в новейшей истории тамошнего храма литургия, отслуженная архиерейским чином – служил епископ Переславский и Угличский Феодор. Информацию о том мы нашли на официальном сайте епархии (www.pereslavl-eparhia.ru); там же, между прочим, настоятелем Рождественско-Кацкого храма назван насельник Никитского мужского монастыря в Переславле-Залесском иеромонах Глеб (Быкадоров).

Так вот: сайтам, как оказалось, нельзя слепо доверять – даже официальным. Наши рождественские читатели позвонили и уточнили, что архиерейская служба в новейшей истории их храма уже была: 21 июля 2013 году у них служил епископ Рыбинский и Угличский Вениамин. (В Ярославской митрополии, напомним, прошла административно-территориальная реформа: если совсем недавно мы относились к Рыбинской и Угличской епархии, то теперь – к Переславской и Угличской).

Настоятель Рождественско-Кацкого храма – по-прежнему протоиерей Евгений Тверикин, который живёт под Рыбновом и во вверенный ему храм приезжает два-четыре раза в месяц. «По совместительству» он ещё окропляет и приход в соседнем селе Богородском.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ: А СКОЛЬКО СЕЙЧАС В КАЦКОМ СТАНЕ ПРИХОДОВ?

Пользуясь случаем, перечислим все приходы, действующие в Кацком стане сейчас. Итак, Рождественско-Кацкий приход – это раз. Ординский приход – это два. Что-то мы редко о нём пишем, а между тем тамошний батюшка – иеромонах Иоанн – служит в Ордине аж с осени 1992 года. Да и живёт он в двух шагах от церкви: в старинном здании, которое до него последовательно занимали начальная школа, детский сад и библиотека. Таким образом, богослужения в Ординском храме совершаются исправно по всем православным праздникам.

А вот третий кацкий приход – Мартыновский – пока ещё только создаётся. Исторически в Мартынове церкви никогда не было, и она оборудуется в здании бывшей старшей школы – об этом «КЛ» уже писала. Но службы в будущем храме уже ведутся, их совершает отец Сергей Круду из Мышкина.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО: ПОСЕВНАЯ-2017

Нынешняя весна выдалась холодной и сырой, что, впрочем, не помешало нашим кацким СПК (сельскохозяйственным производственным кооперативам) справиться с посевной в срок. Показатели как и в прошлом году: «Искра» (Балакирево) посеяла 150 га фуражного зерна и 100 га однолетних трав, «Мерга» (льнозавод) – 505 га льна. «Верный путь» (Мартыново) вот уже вторую весну не пашет и не сеет.

А что Ординское охотничье хозяйство, посевные площади которого не меньше, чем у иного СПК? Здесь в этом году 160 га овсяно-травяной и овсяно-гороховой смеси. Надо сказать, что ординские охотники ведут постоянную работу по возвращению в севооборот бывших колхозных полей, поросших лесом – вот и нынче раскорчевали ещё десять гектаров.

Земли СПК «Оборона» (Рождественно) теперь принадлежат мышкинскому ООО Агрофирма «Луч», а земли ООО «Новая жизнь» (Платуново) – угличскому ООО «Бурмасово». Слава Богу, новые владельцы не запускают их – сеют они в наших кацких полях в основном травы.

ЕЩЁ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ГДЕ САМЫЕ БОЛЬШИЕ ЗАРПЛАТЫ?

Из кацких СПК – в «Искре»: в 2016 году работники этого хозяйства получали в среднем в месяц 11,63 тысячи рублей. В «Верном пути» средняя зарплата за прошлый год – 9,33 тысячи рублей, в «Мерге» – 5,60 тысячи рублей. Правда, в «Верном пути» установлен неполный рабочий день, а работа в «Мерге» носит сезонный характер. Что касается позапрошлого 2015 года, то среднемесячная заработная плата тогда равнялась в «Искре» – 9,94 тысячи рублей, в «Верном пути» – 6,51 тысячи рублей и в «Мерге» – 9,19 тысячи рублей.

РОЖДЕСТВЕНО

ОБМАНУЛИ ШКОЛУ. Так и не дождалась учителя и ученики Рождественской средней школы нового спортзала, хотя и смету составили, и госэкспертизу прошли, и необходимое финансирование получили. Обманул подрядчик – выигравшая торги ярославская фирма. Таких работников здесь видели впервые: приехали, разобрали полы, покрасили потолок и стены и... исчезли, оставив школу на весь учебный год без спортзала! Серия арбитражных судов, наверное, никогда не закончится, и от этого впору впасть в отчаянье. К счастью, спортзал Рождественской школы включили в губернаторскую программу «Решаем вместе», открыв новое финансирование – 5 129 000 рублей. Эх, только бы не обманул – не подвёл новый подрядчик!

МАРТЫНОВО

ВДОМЕ КУЛЬТУРЫ – ПОДВИЖКИ. В Мартыновском сельском Доме культуры разрешились сразу две застарелые проблемы. Во-первых, наконец-то нашёлся человек, который стал им заведовать: сотрудница Этнографического музея кацкарей Анастасия Владимировна Румянцева. Во-вторых, разобран тяжеловесный козырёк, от которого давно уже падали кусок за куском и только по счастливой случайности не на головы посетителей. Вместо него установили привычный русскому глазу карниз – или «свес», как говорят кацкари. Администрация Мышкинского муниципального района подготовила смету и на внутренний ремонт здания. Так что перемены к лучшему, кажется, начались!

НЕФЕДЬЕВО

НАШЛИ БИВЕНЬ МАМОНТА. На базе Ординского охотничьего хозяйства решили обзавестись новым прудом. И вот копали его, значит, копали и... на глубине пять метров обнаружили бивень мамонта! Вес находки около 30-ти килограммов, а возраст – не меньше 9-10-ти тысяч лет: именно тогда, как пишут энциклопедии, эти животные и вымерли. Бивень был отвезён в Москву, где прошёл необходимую консервацию и возвращён назад в охотхозяйство, где уже собран небольшой «музейчик» из чучел, рогов, клыков, костей и тому подобных охотничьих трофеев.

(По сообщениям с мест)

Кацкий стан помещичий

Кацкарь Тресневский – участник Бородинского сражения

26 августа (по новому стилю – 7 сентября) 1812 года среди прочих сражавшихся на Бородинском поле оказался и молодой, двадцати с небольшим лет, подпоручик Василий Тресневский. Что же на данный момент известно из его биографии?

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ ТРЕСНЕВСКИЙ родился около 1790 года, происходил из польских дворян. Обучаясь во 2-м Кадетском корпусе, получил по тому времени хорошее образование: знал российскую грамоту, грамматику, арифметику, алгебру, тригонометрию, часть геометрии, историю, географию, фортификацию, разговаривал на трёх языках – по-польски, по-немецки и по-французски.

В службу вступил из 2-го Кадетского корпуса по производству прапорщиком в 18-й Егерский полк 24 апреля 1809 года и в том же полку проходил по порядку чинов:

- с 8 мая 1812 года – подпоручиком,
- с 24 февраля 1816 года – поручиком,
- с 17 июня 1817 года – штабс-капитаном.

Во время службы в штрафах и по судом не бывал, к повышению чинов всегда аттестовался достойным. К слову отметим, что в 1814 году, будучи подпоручиком, В.И. Тресневский состоял на должности квартирмейстера 18-го Егерского полка – должности ответственной, требовавшей самодисциплины, честности и определённых организаторских способностей.

29 марта 1818 года В.И. Тресневский был уволен от службы в чине штабс-капитана по домашним обстоятельствам. Причиной увольнения – «домашними обстоятельствами» – могли быть недавняя женитьба Василия Игнатьевича Тресневого на Варваре Сергеевне Валласовой и стремление обосноваться на жительство в одном из имений супруги. Однако вскоре он возвратился на службу: прежним чином штабс-капитана определён в Военно-рабочий № 5 батальон, откуда 29 декабря 1819 года тем же чином переведён в 3-й Морской полк с припиской впоследствии к Отдельному корпусу военных поселений, где службу проходил по порядку чинов до отставки.

26 сентября 1820 года произведён «в сравнении со сверстниками» из штабс-капитанов в капитаны со стар-

шинством с 7 мая 1820 года. Патент на чин капитана В.И. Тресневский получил 29 апреля 1822 года. (В Инспекторском департаменте Главного Штаба документ записан под № 1660-м, заверен подписями дежурного генерала Главного Штаба генерал-лейтенанта графа А.А. Закревского и вице-директора Инспекторского департамента Главного Штаба генерал-майора А.Я. Княжнина).

24 января 1823 года по Высочайшему приказу согласно представлению отрядного командира генерал-майора П.А. Угрюмова Василий Игнатьевич Тресневский уволен от службы по домашним обстоятельствам с награждением чином майора с мундиром. Подавая прошение об увольнении от службы, в специально приложенном к прошению документе – реверсе (письменном обязательстве о гарантиях) – он объявлял, что по отставке о казённом пропитании нигде просить не будет. Указ об отставке выдан был В.И. Тресневскому 9 февраля 1823 года под № 194-м за подписями графа А.А. Аракчеева – главного начальника военных поселений, и генерал-майора графа П.А. Клейнмихеля – начальника штаба Управления военных поселений, а Патент на чин майора – 28 июня 1827 года. (В Инспекторском департаменте Главного Штаба документ записан под № 157-м, заверен подписями начальника Главного Штаба генерала от инфантерии графа И.И. Дибича-Забалканского, дежурного генерала Главного Штаба генерал-лейтенанта А.Н. Потопова и исправлявшего должность вице-директора Инспекторского департамента Главного Штаба полковника Репиндера).

Походы и сражения, в которых участвовал В.И. Тресневский, относились ко времени службы его в 18-м Егерском полку:

- в 1812 году вместе с полком он находился «в походах против французских войск», а 26 августа 1812 года участвовал в генеральном сражении при селе Бородине. На то время В.И. Тресневский состоял в комплекте 1-го действующего батальона 18-го

Егерского полка, который во время Бородинского сражения действовал на Курганной высоте (батарея Раевского), в одном из эпицентров сражения;

- в 1813 году, в период заграничных походов русской армии, с 14 июля находился в походе в Царстве Польском (во владениях Великого герцогства Варшавского), с 25 июля по 13 августа находился при блокаде крепости Модлина, откуда с 15 августа по 10 сентября с полком возвратился в пределы России. В 1815 году вновь за границей: участвовал в походе через Царство Польское в Пруссию до города Моенау и оттуда обратно с полком в Россию.

После отставки в 1823 году В.И. Тресневский поселился в имении супруги Варвары Сергеевны – в сельце Костеве Кацкого стана (Мышкинского уезда Ярославской губернии) – и стал мелкопоместным землевладельцем. В 1842 году из-за раздела наследства между родственниками супруги Тресневого их семейство вынуждено было обосновываться на жительство в другой своей кацкой усадьбе – сельце Козлово*). Там же, в Козлово, у Тресневских будет доживать свой «вдовый век» сестра главы семейства Мария Игнатьевна.

Имея определённый владельческий и сословный статус, по выбору Мышкинского дворянства в конце 1820-х – начале 1830-х годов В.И. Тресневский избирался Мышкинским земским исправником (и по должности возглавлял Мышкинский нижний земский суд), а в 1830-е годы – судьёй Мышкинского уездного суда. К слову отметим, с течением жизненных обстоятельств В.И. Тресневский нередко соприкасался и по должностным обязанностям, и как мышкинский землевладелец со своим однополчанином – Степаном Александровичем Эйсмонтон, который, как и Тресневский, занимал должности и мышкинского земского исправника (в 1830-1840-е годы), и судьи Мышкинского уездного суда (в середине 1840-х годов).

После выхода в 1823 году в отставку, подтверждая и закрепляя свой со-

*) Сельцо Козлово на реке Кадке кацкари чаще называют Козловка, дабы отличить от другого Козлова – деревни на речке Вёшенке.

словный статус, В.И. Тресневский приписался к российскому дворянству по Тверской губернии, имея незначительную собственность в Калезинском уезде. Грамота на дворянство Тверским губернским дворянским депутатским собранием была выдана 10 января 1824 года за № 295: род Тресневского был внесён в 3-ю часть дворянской родословной книги Тверской губернии. Грамоту на дворянство заверили Тверской губернский предводитель дворянства Александр Черемисин и дворянские депутаты от уездов: Бежецкого, Весьегонского, Новоторжского, Вышневолоцкого, Старицкого, Зубцовского, Ржевского, Осташковского, Корчевского.

Позже Василий Игнатьевич пожелал быть приписанным и к Ярославскому дворянству и был внесён в 3-ю часть дворянской родословной книги Ярославской губернии. Определение Ярославского губернского дворянского депутатского собрания о приписке состоялось 16 ноября 1832 года. Грамота на дворянство выдана 31 декабря 1835 года за № 457. Грамоту на дворянство заверили правящий должность Ярославского губернского предводителя дворянства Ярославский уездный предводитель дворянства князь Вяземский и дворянские депутаты от уездов: Ярославского, Мышкинского, Даниловского, Рыбинского, Мологского, Ростовского, Романово-Борисоглебского.

Фамильного дворянского герба род Тресневских не имел.

В силу жизненных обстоятельств Василий Игнатьевич Тресневский женился дважды. Первый брак с ВАРВАРОЙ СЕРГЕЕВНОЙ ВАЛМАСОВОЙ венчан 17 февраля 1818 года в церкви села Никольского что на Топоре. Поручителями при венчании были капитан 18-го Егерского полка Андрей Дмитриевич Байков и того же полка капитан Яков Яковлевич Савич. Жених и невеста на момент брака были первобрачные. В метрической записи о венчании жених был записан под фамилией «Тришневский» (в качестве замечания отметили, что в разных документах фамилия нередко упоминалась в разночтениях – и «Трешневский», и «Трешневский», и «Тришневский»).

Варвара Сергеевна Валмасова – дочь Мышкинского уездного казначея поручика Сергея Ивановича Валмасова и законной жены его Натальи Петровны, урождённой Селифонтовой – родилась 1 декабря 1784 года, крещена 5 декабря того же года в церкви села Никольского на Топоре. Восприемницей при крещении была бабушка новорождённой по отцу – Мария Михайловна Валмасова, вдова майора Ивана Степановича Валмасова, помещица сельца Гридина. По матери Варвара Сергеевна приходилась родной племянницей генерал-майору Михаилу Петровичу Селифонтову, участнику Отече-

ственной войны 1812 года и заграничных походов русской армии, а через брак своего родного брата Павла Сергеевича Валмасова – сродственницей писателю М.Е. Салтыкову-Щедрину. (Поскольку Павел Сергеевич Валмасов был женат на Александре Васильевне Епифановой, родной брат которой Платон Васильевич Епифанов состоял в браке с родной сестрой писателя Надеждой Евграфовной Салтыковой).

Но вернёмся к браку Василия Игнатьевича и Варвары Сергеевны. Брачная партия была выгодной, невеста с хорошим приданым. Имея часть родового недвижимого наследия, могла позволить себе и благоприобретения. Впоследствии, будучи уже замужем, недвижимостью покупала на своё имя. Так, в январе 1835 года она оформила сделку на имение инженер-майора Александра Петровича Смирнова и матери его Татьяны Самсоновны – сельцо Козлово с господской усадьбой, дворовыми людьми, крепостными крестьянами, всеми угодьями и землёй при сельце и в пустошах. Имение было приобретено ею с аукционных торгов в Ярославском губернском правлении за 11100 рублей. Тогда же она оформила сделку и на имение бывшего угличского уездного казначея Петра Ивановича Смирнова – кацкую же деревню Пальцово с пустошами, с крепостными, их имуществом и землёй, купленное ею на тех же аукционных торгах за 11150 рублей. (Позже судьба соединила Смирновых и Тресневских...)

В целом имение В.С. Тресневской в Кацком стане состояло из недвижимости в сельцах Костеве, Гридине, Козлове, деревнях Пальцове и Юрятине с пустошами. По её завещанию из этого имения благоприобретенная его часть оставалась за мужем в пожизненном его пользовании с передачей детям, но если детей на момент её смерти не будет – то имение должно было отойти в род Валмасовых. Это условие завещания впоследствии вызвало судебные тяжбы между претендентами на наследство Тресневских, в том числе и со стороны родной сестры В.И. Тресневского – воронежской помещицы подполковницы Елизаветы Игнатьевны Кондратовой.

Первый брак В.И. Тресневского, длившийся четверть века, прервала смерть жены – Варвара Сергеевна Тресневская скончалась 28 января 1844 года.

После смерти первой супруги Ва-

силий Игнатьевич Тресневский женился вторым браком на ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ СМИРНОВОЙ. Брак венчан 16 февраля 1845 года в церкви села Знаменского. Поручителями при венчании были: по жениху-вдовцу – Алексей Николаевич Тютчев, помещик села Знаменского, двоюродный брат поэта Ф.И. Тютчева, и Иван Николаевич Смирнов, родной брат невесты; по невесте-девице – второй её родной брат Александр Николаевич Смирнов и отставной поручик Александр Васильевич Семенович.

Екатерина Николаевна Смирнова была дочерью титулярного советника Николая Ивановича Смирнова и супруги его Елизаветы Михайловны, приходилась двоюродной сестрой инженер-майору Александру Петровичу Смирнову (его имение в 1835 году и купила первая супруга Тресневского).

Семейство Смирновых не было столь состоятельно, чтобы размениваться на женихов: Екатерине едва исполнилось шестнадцать лет, но на момент её брака отец уже скончался, мать вдовствовала, братья устраивали свою жизнь. Александр Николаевич Смирнов, например, готовился к поступлению в статскую службу – в канцелярию Московского гражданского губернатора, где состоял в штате с ноября 1845 года до отставки в июне 1851 года. С марта 1852 года он занимал должность станového пристава 1-го стана Мышкинского уезда.

Жених с достатком, хотя и в возрасте (В.И. Тресневскому уже около 55-ти лет), был для семейства Смирновых выгодной партией.

От двух браков Василий Игнатьевич Тресневский имел четверых сыновей: от первого брака – Леонида и Павла, от второго – Николая и Александра.

ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ ТРЕСНЕВСКИЙ родился 8 апреля 1825 года, крещён 14 апреля того же года в соседнем с имением Тресневских приходе – в церкви села Нефедьева (всё это кацкие селения). Восприемником при крещении был генерал-майор Михаил Петрович Селифонтов, помещик сельца Артемьева того же Мышкинского уезда Ярославской губернии. К слову заметим, что запись о его рождении была внесена и в метрическую книгу церкви села Никольского что на Топоре – церкви родового прихода, куда относилось сельцо Костево. В этой записи

«Подлинный документ обратно получил. Майор Тресневский», – автограф Василия Игнатьевича Тресневского в деле о дворянстве, 1830-е годы.

Документ из собрания Государственного архива Ярославской области

указано, что Леонид рождён 18 апреля 1825 года, крещён 19 апреля того же года, без указания воспитателя. (Подобное явление – двойная запись в метрических книгах – обычно для дворянского быта, когда семейства переезжали из имения в имение, из гостей в гости. Запись в метрической книге Николо-Топорской церкви – свидетельство первого принесения в родовой храм новорожденного для молитвования и окропления во здравие).

Скончался младенец Леонид в том же году: 19 июля 1825 года по неизвестной причине. Погребён был в родовом приходе – при церкви села Никольского что на Топоре рядом с дедом и бабушкой Сергеем Ивановичем и Натальей Петровной Валмасовыми.

Даты жизни ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ТРЕСНЕВСКОГО на данный мо-

мент не установлены. Известно лишь, что погребен он при церкви села Никольского что на Топоре также рядом с дедом и бабушкой Сергеем Ивановичем и Натальей Петровной Валмасовыми.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ТРЕСНЕВСКИЙ родился 26 ноября 1845 года, крещён 2 декабря того же года в церкви села Знаменского. Восприемниками при крещении были коллежский асессор Александр Михайлович Козырев, помещик сельца Парова Мышкинского уезда, и бабушка новорожденного по матери (второй жене В.И. Тресневского) – вдова титулярная советница Елизавета Михайловна Смирнова. Николай скончался в младенчестве, но точная дата его смерти и место погребения пока не установлены.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ТРЕСНЕВСКИЙ родился 5 февраля 1847

года, крещён 9 февраля 1847 года в церкви села Знаменского при тех же восприемниках, что были у брата Николая.

Александр, родившись за две недели до смерти отца, единственный продолжит род Тресневских и унаследует часть фамильной недвижимости. После смерти отца над Александром по его малолетству была установлена опека; главный опекун – его мать Екатерина Николаевна, которая по исходу положенного срока вдовства вышла вторым браком за Павла Ивановича Шипина, помещика сельца Чернева. Как мать и опекунша она ходатайствовала впоследствии о приписке сына к роду Тресневских по Ярославской губернии. Александр Васильевич Тресневский будет внесён в род отца решением Ярославского губернского дворянского депутатского собрания от 11 сентября 1856 года. Решение будет утверждено Указом Правительствующего Сената от 7 января 1857 года за № 314-м. (В качестве замечания, отметим, что при приписке Александра к роду Тресневских запись отмечена по 2-й части родословной книги).

Василий Игнатьевич Тресневский скончался 23 февраля 1847 года от чахотки, погребен был при церкви села Никольского что на Топоре – на кладбище родового прихода первой супруги Валмасовой. Так уж случилось: поляк по рождению, кацкарь по жизни.

Татьяна Анатольевна Третьякова,
кандидат исторических наук,
историк-архивист,
г. Углич.

ИСТОЧНИКИ:

1. Документы из собрания Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА): фонд 489, опись 1, единица хранения 1743.

2. Документы из собрания Государственного архива Ярославской области (ГАЯО): фонд 213, опись 1, единицы хранения 2844, 4203, 4204, 4213.

3. Документы из собрания филиала Государственного архива Ярославской области в городе Угличе (УгФ ГАЯО): фонд 18, опись 3, единицы хранения 35, 89, 114, 198, 219; фонд 43, опись 1, единица хранения 626; фонд 92, опись 1, единицы хранения 1852, 2224; фонд 99, опись 2, единицы хранения 10, 11.

4. Высочайшие приказы о чинах военных за 1819 и 1820 годы.

5. Малов-Гра А.Г. «Путь доблести и славы 18-го Егерского полка в 1812-1814 гг.» // «Военно-исторический журнал», № 6, 2009 год, стр. 31-39. Сайт: Международная военно-историческая ассоциация – ссылка на публикацию – <http://www.imha.ru/page,5,1144528988-put-doblesti-i-slavy-18-go-egerskogo-polka-v-1812-1814-gg.html> (дата обращения 12 сентября 2015 года).

Там, где жил Тресневский, теперь растут берёзы. Козловка (бывшее сельцо Козловка) на реке Кадке. 1999 год.

Снимок С.Н. Темнятина

По страницам «КЛ»

Снимок из архива
Пятницких – 2

Это фото под названием «Снимок из архива Пятницких – 2» мы публиковали в «КЛ» № 2 (178), весна 2016 года. На нём священник Николо-Топорской церкви Александр Александрович Пятницкий (сидит крайний справа), его жена Клавдия Ивановна (во втором ряду через человека левее), дочери Павла (седьмая в третьем ряду) и Елизавета (в первом ряду первая). Остальные лица, к сожалению, не установлены, и мы обратились к читателям поделиться с нами своими сведениями об этой фотографии. И вот первые отклики.

У Александра Александровича Пятницкого была и третья дочь, которой нет на фотографии: Мария, моя мама. У неё хранилась записная книжка – «Премия к журналу «Друг детей» 1905 года, которую она привезла из Ярославского епархиального училища. Так вот – в книжке, в разделе «Семейная летопись», другие даты рождения её родителей. Там написано, что Александр Александрович Пятницкий родился «1858 года августа 24 дня»; место рождения – село Павловка. День рождения Клавдии Ивановны Голиковой – 9 мая 1860 года.

Борис Михайлович Фёдоров, г. Санкт Петербург

Женщина, что сидит второй во втором ряду в чёрном кружевном платке – моя прабабушка Анна Васильевна Григорьева. У нас есть и другие снимки, где она в том же платье и в том же платке. Платье это ещё долго хранилось; потом его перешли на юбку, а платок прабабушка подарила старшей дочери Александре. Если присмотреться, то Анна Васильевна беременная: сидит, поддерживая руками живот. Это она своим сыном Мишей беременная, который родился в сентябре 1913 года; значит, снимок был сделан летом 1913-го.

Её поддерживает муж Максим Григорьевич Григорьев – он стоит в третьем ряду первым слева в костюме и шляпе. Мы с лупой рассматривали, нет ли на его руке кольца – кольцо ему подарил купец Николай Иванович Верещагин, у которого он служил в лавке приказчиком. Верещагин уходил на Первую мировую, дарил кольцо и сказал:

– Вернись – отдашь, а не вернись – себе возьми!

Не вернулся...

Правее – вроде, его брат Игнатий Григорьевич Щеников; у нас есть и его фотография – уж больно схож. А ещё правее, должно быть, его сын Степан, удавившийся в молодости.

Григорьевы и Щениковы были очень набожными, Анна Васильевна пела в церковном хоре.

Надежда Алексеевна Абрамова, д. Коптево Мышкинского района

Уточнения
бывшего
почтальона

Хочется уточнить автора воспоминаний «Щениковы из Мартыново» Вячеслава Ивановича Чеснокова, опубликованных в «КЛ» № 3 (179), лето 2016 года. Персональная пенсия в 120 рублей могла быть только после денежной реформы 1961 года. А в 1959 году, о котором пишет автор, она должна была равняться 1200 рублям.

Я это очень хорошо помню, потому как с апреля 1966-го и по декабрь 1970 года работал почтальоном на Мартыновской почте. Помню, и как разносил пенсию деревенским старичкам. Бабушкам по 12 рублей, а Фёдору Филипповичу Орлову из Юрьевского – 14 рублей 40 копеек. Бабушки были в большой обиде: почему у него такая большая пенсия?

В Мартынове, к слову сказать, когда я начинал работать, под одной крышей располагались и почта, и библиотека, и сельсовет – теперь это музейное здание по улице Музейной, дом 26. Почтой, а заодно и Сберкассой заведовала Екатерина Филипповна Золотарёва. Почту разносили я, Иван Андреевич Флоров со Владышина и Николай Дмитриевич Каретников из Дьяковки. А содержал почтальонов... колхоз! Он и зарплаты платил, и подводы выделял, и разные другие вопросы решал.

В подчинение Мышкинского почтамта нас перевели 1 декабря 1966 года. С этого дня я работал уже возчиком: возил корреспонденцию на лошади из Рождествена в Мартыново и обратно. В 1968 (или в 1969) году для почты построили отдельное щитовое здание, в котором она располагается до сих пор.

Так случилось, что почтальоном я стал в пятнадцать лет. Я учился тогда в Рождествене, в девятом классе. И вот в весеннюю водополуцу нас распустили на каникулы, и я стал работать. А 7 декабря 1970 года меня призвали в армию. За неделю до этого я уволился, и сменила меня, как помнится, Ираида Ивановна Шалаева из Юрьевского.

*Алексей Михайлович
Виноградов,
г. Мышкин*

Родное прошлое

Детские игры кацкарей послевоенного поколения

Игра всегда была главным занятием детей. Во все времена дети играли, но игры менялись в зависимости от текущей жизни. В мирные времена это строительство дома, куклы, хозяйство, в послевоенные – оружие, сражения, особенно у мальчишек.

В современном мире, с развитием технологий, основным видом игр стали компьютерные. В них не надо ничего придумывать – всё уже разработано: жми на клавиши. А вот предыдущим поколениям игры надо было или перенимать от предшественников, или, с изменением жизни, придумывать новые. Игры чаще всего были не особенно затейливые, часто придумывались на ходу; в самой игре менялись правила, поведение игроков.

Самой распространённой была игра в *КОРОНИЧКИ* (прятки), знают её все. Она была длительной и очень увлекательной.

Среди мальчишек очень распространённой была игра в *НОЖИЧКИ*, когда в особом порядке нужно было в землю метать ножик, чтобы он воткнулся. Проигравший должен был тащить «зубарь» – забитый в землю определённым количеством ударов с помощью ручки ножа деревянный клин. Вытащить его надо было зубами, а вытащив, бежать по деревне и где-нибудь по дороге выплюнуть. Бежавшие за проигравшим остальные игроки старались его найти и, если это удавалось, забивали снова – и снова надо было тащить и бежать. По летописям, в подобную игру играл ещё угличский царевич Дмитрий в день своей гибели.

Но самой распространённой и любимой игрой была *ЛАПТА*. Была она двух видов: *ПОЛЕВАЯ* и *НА ЛУНКАХ*.

Для полевой лапты нужны были две достаточно многочисленные команды. Подбирались команды так: два наиболее умелых игрока – «матки» – набирали из разделившейся по парам детворы остальных игроков. Пара вначале отходила в сторону и уговаривалась, например: «Я ветка, а ты палка». Потом подходили к «матке» и спрашивали: «Кого выбираешь: ветку или палку?» Одна из разделившихся команд по жребию оставалась в городе забивать мяч, другая уходила в поле ловить его. Пробивший терял «руку», то есть право пробить снова и, чтобы его получить, должен был пробежать поле и вернуться в город. А игроки в поле ловили летящий мяч – «свечку» – или подбирали его с земли и пытались «осалить» бегущего игрока из города. Если это

удавалось, команды менялись местами, и игра могла продолжаться до темноты. В разных местностях правила и особенности игры могли различаться. Игра была настолько увлекательной, что к ней присоединялись и взрослые.

Если игроков на две команды не набиралось, играли в лапту «на лунках». Играть можно было уже вторём. Выбирали водящего; остальные игроки выкапывали на лугу небольшие углубления в земле – «лунки» – и вставали в них с палкой для защиты от мяча. Водящий мячом должен был «осалить» стоящего на лунке игрока или забросить мяч в лунку; тогда водящий занимал его лунку, а осаленный становился водящим. Но можно было палкой отбить мяч; водящий должен был бежать за ним, а игроки могли покинуть лунку и отбить мяч ещё дальше. Если отбиваю-

щий мяч игрок увлекался и отходил далеко от лунки, водящий мог бежать и занимать освободившуюся лунку – происходила смена водящего. И так игра продолжалась очень долго, пока не надоест.

В подобную игру играли и зимой. На укатанной улице деревни также делались лунки, только вместо мяча использовали «шарок» – обструганный близко к форме мяча деревянный отрезок. Но его не бросали, а забивали палками; в остальном всё было похоже на лапту «на лунках».

Но наиболее интересной были игры в *ВОЙНУ*. Были они без особых правил – всё зависело от места игры и выдумки игроков. В каком-нибудь заброшенном большом сарае игра была одной, в лесу – другой. Для игры нужно было оружие; сами делали его из дерева, выпиливали, вырезали кто как умел.

Были мы детьми послевоенного поколения, пришедшие с войны отцы были ещё совсем молодыми. Когда они собирались где-нибудь компанией, непременно воспомина-

В Выгору за Трухином (слева направо) идут играть деревенские подростки: Валентин Комолов, Александр Зверев, Анатолий Голосов и Василий Душенькин. д. Трухино, около 1965 года.

ли войну, рассказывали разные случаи из военной жизни, а мы в стороне с жадностью слушали. Любовь к оружию возникала с раннего детства.

Первым оружием был *ГОРОХОВЫЙ ПИСТОЛЁТ*. Сами мы его сделать не могли и просили отцов или старших братьев. Выпиленный из доски, с просверленным стволом и бойком, он неплохо стрелял горошинами и был достаточно безопасным. Но это оружие стреляло недалеко и быстро надоедало.

Следующим оружием для более старших ребят был *ЛУК*. Для его изготовления надо было найти хорошую гибкую палку, лучше всего подходила можжевельная. Самым сложным было сделать стрелу: её приходилось долго выстругивать, делать наконечник и оперение. Стрелы часто улетали далеко и терялись, приходилось делать новые, поэтому стрелу берегли. Иногда лук приставляли на деревянный приклад, и получался *САМОСТРЕЛ*. Из него было лучше прицеливаться, но стрелял он ближе лука.

А следующим по распространённости оружием была *РОГАТКА*. Для её изготовления сложнее всего было найти хорошую резинку. Стреляли из рогатки мелкими камнями, которые собирали у реки. Иногда удавалось в колхозной мастерской раздобыть шарики от подшипника – они очень ценились, обеспечивая большую точность стрельбы.

Но всё это оружие стреляло без звука и дыма – это было неинтересно. С возрастом переходили на оружие огнестрельное. И первым в этой серии был *ЛУГАЧ*. Кусок медной трубки, закреплённый на деревянной ручке, изогнутый гвоздь и резинка – вот и всё устройство. Накрошив в ствол спичечных головок и оттянув гвоздь на резинке и закрепив его, нужно было легко ударить гвоздём по твёрдой поверхности – гвоздь срывался, и происходил громкий хлопок с огнём и дымом. Но у пугача был только звук выстрела, пули не было.

Следующий этап – *ПОДЖОГА-ЧИРКУША*. Труднее всего было для неё найти хорошую, надёжную медную трубку. Брала её с какой-нибудь сельскохозхозяйственной техники в колхозной мастерской. Отрезали кусок нужной длины, с одного конца загибали и сплющивали, напильником и иглой проделывали запальное отверстие. Эта трубка надёжнее крепилась к деревянной ручке в виде пистолета, у запального отверстия крепилась скоба для запальной спички. Заряжалась поджога со ствола: вначале крошили спичечные головки (а ещё лучше, если удавалось раздобыть порох), затем пыж, следом дробь или пуля. В скобу закреплялась спичка; можно было прицеливаться и, чиркнув спичечным коробком по спичке,

выстрелить. Но у чиркуши был существенный недостаток: во время поджигания запала рука дёргалась, прицел сбивался, и точно выстрелить было невозможно.

Самой совершенной была *ПОДЖОГА КУРКОВАЯ*. Делалась она так же, как чиркуша, только в ручке сверлились отверстия – в них из отожжённых в костре гвоздей гнались курок и спусковой крючок. Для приведения курка в действие к нему крепилась упругая резинка, которая другим концом петлёй закреплялась за ствол. В запальное отверстие вставлялся отрезок мелкого гвоздика. При зарядке поджоги, курок взводился и закреплялся спусковым крючком. Теперь можно было прицелиться, нажать на спусковой крючок – курок соскакивал и ударял по гвоздику в запальное отверстие, происходил выстрел. Это было наше самое совершенное оружие, но для его изготовления требовались немалые умения – не все могли сделать хорошую, надёжную поджогу.

Но эти игры с оружием были и очень опасными. Нередко выстрел происходил случайно при зарядке. Но чаще, если трубка была ненадёжно загнута или превышен заряд, она при выстреле разрывалась и здесь уже как повезёт. Самое лёгкое – если небольшие раны на руке. Но удовольствие от оружия превышало возможный риск.

Всё это оружие приходилось надёжно прятать от взрослых. Плохо спрятанное и найденное подлежало уничтожению, а владелец оружия – хорошей трёпке.

Мастером по изготовлению поджог был Толя Шурупов из Воронцова. Но больше всего ему нравилось что-нибудь взрывать. В качестве взрывчатки использовали *КАРБИД*, раздобыть его было непросто – опять же в колхозной мастерской. И здесь нам помогал заведующий мастерской Николай Васильевич Королёв. У него сохранилось какое-то особое отношение к оружию, и часто он помогал даже в изготовлении его. Да и сам мог сконструировать что-нибудь стреляющее и дать нам на испытание. Вот и карбид он мог нам дать, особенно когда был в хорошем настроении.

Карбидом снаряжали бутылку с небольшим количеством воды, забили надёжную пробку и бросали, чаще в воду. Некоторое время бутылка лежала, белела, а потом с грохотом взрывалась, поднимая фонтан воды и вызывая наши восторги. Иногда для большей мощности удавалось найти ёмкость побольше и покрепче. Но эти наши игрушки были наиболее опасными, и как всё обошлось без серьёзных последствий, неизвестно. Всё-таки срабатывало природное чувство опасности.

Павел Николаевич Голосов,
с. Ордино, Нижняя Кадка

С книжной полки

«Храни родную землю»

Вообще-то, «Храни родную землю» – это название спортивно-исторической эстафеты на молодёжном патриотическом фестивале «По векам истории», ежегодно собираемом в Нижней Кадке в начале сентября. А теперь вот и книга такая есть с подзаголовком «Практики местного самоуправления Отрадного сельского поселения в 2006-2016 годах».

Сельские поселения, напомним, у нас десять лет назад и появились – в результате реформы самоуправления от 2005 года. Тогда были созданы совершенно новые административно-территориальные единицы, своими границами не повторяющие ни дореволюционные волости, ни советские сельсоветы. Чего скрывать, сельские поселения нам были спущены сверху, и перед их администрациями встала совсем не простая задача: объединить в одну общность население, никогда не жившее вместе – ни тебе общей истории (местной, разумеется), ни общих знаменитостей, ни общих традиций!

Отрадновское сельское поселение Угличского района, куда территориально вошла и наша Нижняя Кадка, эту задачу, похоже, решает. Каким образом – тому и посвящена книга. Вышла она в 2016 году тиражом 400 экземпляров, местом издания значится «Углич – Отрадный». В книге фотографии, графики, схемы; к ней прилагается DVD-диск.

Авторов трое, и все они практики с большой буквы: Владимир Александрович Абрамов – глава Отрадновского сельского поселения Угличского района, кандидат экономических наук; Алексей Алексеевич Алексеев – профессор, заслуженный работник сельского хозяйства, кандидат сельскохозяйственных наук; Павел Николаевич Голосов – учитель, краевед, общественный директор краеведческого музея в селе Ордине.

Книга «Храни родную землю» адресована всем, кого волнует будущее сельской России. А кацкарям она интересна вдвойне – ведь в ней много и о них. Познакомиться с нею можно в наших кацких библиотеках. Есть она и в научно-справочной библиотеке Этнографического музея кацкарей.

Ваша «КЛ»

Чтения, конференции

Глазами заволо́сного гостя

(заметки с XVII-х Кацких чтений)

Вот уже немало лет каждый год в начале февраля в одно прекрасное, но всё же слишком раннее, утро мы с мужем покидаем домашнее тепло и идём по зябким, ещё полусонным ярославским улицам, чтобы сесть в автобус и ехать, долго глядя в неохотно светлеющее окно – до Углича. А потом ещё на машине, «дорогой длинною», мимо заснеженных полей и перелесков – в Кацкий стан, в Мартыново, на Кацкие краеведческие чтения. Что влечёт нас туда – людей заволосных, ярославцев, не имеющих в Кацком стане ни каких-либо родственных связей, ни шансов блеснуть там интересным докладом? Почему приезжаем мы каждый год единственно для того, чтобы послушать?

Это трудно выразить, но, может быть, дело в том, что через конкретные реалии и подробности краеведческих докладов мы начинаем интуитивно ощущать глубинные, общие для всех, основы жизни. А значит, слушая о других, что-то понимаем и в самих себе. Эта прозрачная глубина создаётся любовью – той спокойной, надёжной любовью, что всегда бывает вложена в Кацкие чтения, в большинство звучащих там докладов. А ещё эта глубина возникает оттого, что кацкое краеведение – всегда о людях.

Таковыми были и состоявшиеся в Мартынове 2 февраля 2017 года XVII-е Кацкие краеведческие чтения. Они были посвящены 25-летию журнала «Кацкая летопись». И хотя о самом журнале говорилось только в одном докладе, но пуповина, связывающая Кацкие чтения с «Кацкой летописью», ощущалась во всём и прежде всего, повторюсь, в том, что о чём бы ни шла речь, она шла о людях.

Это можно было сказать и о самом первом докладе чтений: «**Деревня Мартыново в метрических книгах 1808-1861 годов**». АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА БУТУСОВА из Этнографического музея кацкарей продолжила в этом докладе начатую ею ранее исследовательскую работу. И оказалось, что сухие записи в метрических книгах наводят на многие размышления. К примеру, Анастасия Николаевна обратила внимание на то, что, хотя кацкие девушки выходили замуж рано – приблизительно лет в 16, но первого ребёнка они рожали много позже – обычно после 20 лет. И метрические книги, бесстрастно фиксируя даты свадеб и крестин, ничего на этот счёт не объясняли. Но на то и чтения, чтобы участники обменялись мнениями, знаниями и пришли к определённым выводам. Так, с подсказки метрических книг, прояснилась для нас одна немаловажная черта народного быта. Хотя молодая жена попадала в семью мужа рано (нужны были рабочие руки), но её берегли, давали женскому организму созреть для

полноценных родов. И свекровь бдительно следила за тем, чтобы у юной снохи до поры до времени не было возможности забеременеть... Вот такая житейская, бытовая мудрость, возникающая не из высоких помыслов, а из реальных условий – и делающая эти условия человеческими настолько, насколько позволяла жизнь.

По свидетельству тех же метрических книг, в деревне Мартынове каждый год прибавлялось около 18-ти детей. Но сколько же их в то время умирало! Судя по записям, среди всех умерших большинство составляли дети до 7-ми лет, а среди них больше всего было детей до года. И хоть метрические книги не предполагают эмоций, но так и кажется, что выплаканые по тем детям материнские слёзы, просветляясь, возносили младенцев высоко-высоко, и становились те дети ангелами, и хранили они свою деревню, оставшуюся на земле...

Совсем другим людям – не крестьянам, а дворянам, был посвящён доклад ещё одного сотрудника музея АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВИЧА БЫКОВА «**Дворяне Рогульские на Кацкой земле и в её окрестностях**». Александр Юрьевич, ранее занимавшийся исследованием надгробий Рогульских, теперь рассказал об их роде. Перед нами возникло относящееся к XVIII-му веку родословное древо. Имена, имена, родственные связи... А какими они были, эти люди? Молчит родословное древо. Но вдруг мелькнуло в докладе исследователя: Рогульские

жили в Угличско-Мышкинских землях 245 лет, и за это время они не прирастили своих земельных владений. Жили сначала в одной усадьбе, потом в трёх, но владения не увеличивали. Наверное, предполагая, не о том они думали. Может быть, книги читали, об Отечестве радели... А может, и нет. Но вот ведь надгробия кацкари сохранили. Так, может, хорошие люди были среди этих Рогульских? Дай-то Бог...

А вот те же Угличско-Мышкинские земли, но совершенно другое время. ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ТРЕТЬЯКОВА, кандидат исторических наук, представлявшая на чтениях Угличский филиал Государственного архива Ярославской области, сделала об этих землях доклад: «**Об административном переустройстве 1929 года**». Это переустройство было связано с созданием в то время огромной Ивановской области. Но и до этого Кацкий стан не знал покоя: с 1917 по 1929 год его земли резали 15 раз, не учитывая желаний населения. В 1929 году эти желания учитывали: в деревнях и сёлах проходили собрания граждан. Проходили они бурно, заинтересованно – и Татьяна Анатольевна подробно об этом рассказала. Но меня в её докладе затронула ещё одна, малозаметная на общем фоне, деталь. Когда село или деревня в результате переустройства переходили в другой район, то властям этого района передавались все документы и среди них – списки людей, лишённых избирательных прав. И мы увидели на экране фотографии сохранившихся в архиве списков. Казённые машинописные строчки: столбики фамилий, и за каждой фамилией – живой человек: зажиточный крестьянин; сколотивший кое-какой достаток отходник; священник; да мало ли кто ещё... Эти «лишенцы», как их тогда называли, ещё не знали, что их ждёт. Но мы, глядя на эти списки, уже знаем. У них на дворе был 1929 год – Год великого перелома. И скоро многие из этих людей сгинут – кто в ссылке, кто в лагере, кто в тюрьме; кто от пули, кто от голода... «И от судеб защиты нет» – как сказал обо всех живых людях Пушкин...

Однако, Кацкие чтения – это не

только вклад в изучение народной жизни своей земли. Эти чтения в какой-то мере сами являются отражением народной психологии, народного взгляда на мир. И поэтому рядом с трагическими нотами здесь, на чтениях, всегда звучат светлые ноты приятя жизни – такой, какая она есть. В этой жизни мужество и терпение, переплетённые с удаью и весельем – самые обычные, ничем не примечательные вещи. Именно так я восприняла доклад краеведа, в недавнем прошлом библиотекаря, из деревни Платунова **ВАЛЕНТИНЫ НИКОЛАЕВНЫ ИВАНОВОЙ: «Говорит колхозное радио!»** В этом докладе не было, казалось, ничего особенного. Валентина Николаевна рассказывала, как, работая в библиотеке, она с помощью колхозного радиоузла устраивала радиогазеты, в частности, радиогазету к 30-летию Победы. Говорила о ветеранах колхоза – участниках Великой Отечественной войны. Но если вдуматься: что стоит за этими привычными словами об участниках войны? Что пережили обыкновенные кацкие мужики, один из которых, Василий Иванович Новиков, дошёл до Берлина; другой, Михаил Дмитриевич Брызгалов, полав на фронт в 17 лет, воевал на Курской дуге; а третий – отец Валентины Николаевны – Николай Павлович Волков, оборонял Москву? То, что они пережили, осталось с ними, и рассказывать об этом они, как и все фронтовики, вряд ли любили. Для них это была обычная жизнь, выпавшая на долю их поколения. И они жили, как все: умели превозмогать горе, умели и радоваться.

Весёлые искорки радости то и

дело вспыхивали и на чтениях. Одна из самых ярких называлась так: **презентация музейного проекта «Деревенская мода 1960-1980 годов»**. Этот «модный проект» был представлен публике целой группой сотрудников – вернее, сотрудниц – Этнографического музея кацкарей под руководством **НИКОЛАЯ ВИКТОРОВИЧА РУМЯНЦЕВА**. «Платье розовое! (синее, бежевое и так далее)», – торжественно провозглашал Николай Викторович, и перед зрителями появлялась «манекенщица» (или, говоря современным языком, «модель») – обаятельная девушка в симпатичном платье указанного цвета. Она элегантно дефилировала по воображаемому подиуму. А Николай Викторович в это время рассказывал историю

На XVII-х Кацких чтениях: хозяйева с пирогами (Наталья Евгеньевна Чеснокова).

Снимок И.А. Давыдовой, д. Мартыново

платья, которое совсем недавно вошло в музейную коллекцию, а до этого принадлежало конкретной женщине, жительнице Кацкого стана – украшало и радовало её. И казалось, что эти платья, действительно красивые и очень положительно оценённые публикой, ещё хранили тепло своих прежних хозяек. По крайней мере, душевное тепло ощущалось точно. И этим милое кацкое «дефиле» выгодно отличалось от всех прочих мировых показов мод.

А вообще-то надо сказать, что кацкие краеведы, отнюдь не гонясь за мировыми тенденциями, нередко, тем не менее, оказываются в их русле. Может быть, в силу интуитивной чуткости к духу времени. Так, например, сейчас во всём мире растёт интерес к истории повседневной жизни разных стран и эпох.

На XVII-х Кацких чтениях: слушатели. Снимок Ирины Александровны Давыдовой, д. Мартыново

Выходит множество книг на эту тему. А **ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ГОЛОСОВ** – поэт, педагог и краевед из села Ордина – спокойно и целенаправленно, от одних Кацких чтений к другим, создаёт историю повседневной жизни Кацкого стана – жизни в сравнительно недавнее, памятное ему, время. История эта пока что фрагментарна, но зато детально проработана и утеплена личным сердечным отношением автора. На прошлых чтениях Павел Николаевич выступал с докладами о том, как кацкари трудились на разных сельскохозяйственных работах, и о том, как гуляли они в праздники, и о том, какие игры и забавы были у кацких детей. А в этом году его доклад на чтениях носил название: **«Особенности кацкой рыбалки»**. И мы, слушатели, узнали, как ловили рыбу в Кадке во время ледохода, а как – летом, когда река мелела. И на что ловилась рыба большая и маленькая в начале мая, а на что – в конце того же месяца. И на что клевала щука в августе, когда начиналась настоящая рыбалка.

А на меня, «чайника» в этих вопросах, наибольшее впечатление произвёл эпизод из детства Павла Николаевича. Это был настоящий рыбацкий рассказ! О том, как мальчишка Паша Голосов поймал огромную щуку и положил её на берег, подальше от воды. Но щука, стремясь вернуться в родную стихию, медленно, но упорно поползла к реке. Рыба была большая, а Паша – маленький. Силы были неравны, но победила смекалка. Отважный рыбак вскочил на щуку верхом – и удержал её на берегу! А у меня, слушательницы этого захватывающего рассказа, возник в воображении сказочный образ: кац-

На XVII-х Кацких чтениях: докладчики (Елена Германовна Веремеенко).

Снимок И.А. Давыдовой, д. Мартыново

карь верхом на огромной рыбине! Оставалось только придумать сказку... И кто знает, может быть, иногда и так – отгалкиваясь от реальных фактов – народная фантазия создавала тот фольклор, который сейчас нам так интересен?!

Сказка, фантазия, фольклор... О древних, глубоко лежащих основах народного миропонимания напомнил нам доклад **«Люди и куклы»** мышкинского краеведа ЕЛЕНЬ ГЕРМАНОВНЫ ВЕРЕМЕЕНКО. Речь шла о куклах, издревле живущих вместе с людьми в Кацком стане. Именно воспоминания об экспедиции по Кацкому стану в 1994 году замечательного искусствоведа Галины Львовны Дайн и составили основу доклада.

Игровая кукла, кукла-оберег, обрядовая кукла – у каждой из них с незапамятных времён были свои задачи, свои обязанности перед людьми. Спасибо кукле-лихоманке, что защищала людей от болезней, жертвуя собой! Спасибо и кукле Екатерине-саннице, которую так весело было зимой пускать с горы! Спасибо им всем – таким разным! Они всегда помогали людям. Помогают и нам – понять прошлое в его связи с настоящим. Понять в людях что-то важное, обусловленное глубоко укоренённой традицией. Потому что кацкое краеведение – всегда о людях. Даже когда о куклах.

По поводу традиции хочется вспомнить слова Сергея Николаевича Темняткина, сказанные им в документальном фильме, которым завершились чтения: «В Мартынове происходит непрерывное развитие старой культуры деревенской общины». Однако если старая культура непрерывно развивается, то есть живёт – и живёт полнокровно – то в её жизни возможны всякие своиственные всему живому неожиданности. Яркое свидетельство этого – самый неожиданный доклад чтений: **«Где вчёрасётка был...», или Владимир Высоцкий на кацком диалекте**. Автор доклада – один из «отцов-основателей» и «Кацкой летописи», и Кацких чтений, и Этнографического музея кацкарей, уже упомянутый СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТЕМНЯТКИН.

И как всё удивительно сошлось в этой неожиданности! Владимир Высоцкий, выразивший как никто душу современного русского человека, зазвучал «по-кацкие» благодаря горячему желанию жительницы Польши Марлены Зимны, директора музея Высоцкого в городе Кошалине. Ей и единомышленникам её удалось добиться того, что поэзия Высоцкого была уже переведена на 157 языков мира. И среди всех этих языков категорически не хватало кацкого говора! Исправить эту явную несправедливость мог, как совершенно правильно счита-

ла Марлена, только один человек – Сергей Темняткин. И он в 2015 году сдался на её настойчивые уговоры и перевёл на кацкий диалект стихотворение-песню Высоцкого под названием «Антиалкогольная». Эту песню, написанную в 1967 году, можно было бы назвать сатирической, если бы её герой не смеялся, прежде всего, сам над собою, и если бы не обаяние молодой, озорной, буйной поэтической силы!

В докладе Сергея Николаевича, как и в самом авторе, очень естественно соединились филолог, этнограф, знаток деревенской психологии и коренной кацкарь, знающий всё, о чём он пишет, изнутри – сердцем и памятью всей жизни. Филолог добросовестно, на примере каждой строчки и почти каждого слова, рассказывает о трудностях перевода. Этнограф рассуждает о том, что герой песни Высоцкого, если уж он «переселился» из городской квартиры в деревенскую избу, вряд ли мог, к примеру, целоваться с кем-либо в пьяном виде на кухне (по-кацкие – «в коморке»), а мог это делать исключительно «в кути?», то есть в прихожей. (Впрочем, подумав, решает в пользу кухни). Знаток деревенской психологии – и это меня особенно тронуло – говорит, что в строчке Высоцкого: «Помню, Клавка была и подруга при ней» – он не мог оставить «Клавку», а перевёл полным именем кацкарки: «Главдя». И комментирует это так: «По моим наблюдениям, кацкари «Клавками» (а также «Гальками», «Вальками», «Надьками» и иже с ними) не называют». (Это, кстати, наводит на многие размышления...) А коренной кацкарь чувствует живое дыхание каждого кацкого слова, потому что слово это для него не из специальных экспедиций добыто, а запомнилось от родной бабушки Марии Ивановны Темняткиной или от жительницы Мартынова Валентины Васильевны Ершовой, или от других крестьянок, или встретилось оно – меткое, выразительное слово – в кацких «прибайках»

В выступлении на чтениях Сергея Николаевича Темняткина мне, кроме всего, запомнилось и окончание его доклада. На экране появилась фотография Марлены Зимны, директора польского музея Владимира Высоцкого. И мы узнали, что она, 46-летняя, год назад безвременно ушла из жизни. И та нота светлой печали, что прозвучала в голосе Сергея Николаевича, ещё раз дала мне почувствовать, что (не боюсь повториться) кацкое краеведение – всегда о людях и ради людей...

Это ощущается во всём. В том числе и в своеобразии, с каким прозвучала на чтениях «юбилейная»

тема. Не забудем, что в этом году чтения были посвящены 25-летию журнала «Кацкая летопись». Собственно о юбилее речь шла только в одном докладе – зато в каком! Он был похож на затейливую шкатулку, хранящую в себе множество друзей – самых разных! – юбилеев. Назывался этот доклад: **«Перебирая наши даты...»: по страницам «Кацкой летописи»**. Его автор – СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ЛЕВАГИНА, сотрудник Ярославской Областной юношеской библиотеки имени А.А. Суркова. Светлана Николаевна, постоянный участник Кацких чтений и подписчик «Кацкой летописи», провела удивительную по объёму и скрупулёзности работу. Она внимательно просмотрела множество номеров «Кацкой летописи» – и газеты, и журнала, обращая внимание на даты, о которых речь в публикациях, и на даты самих публикаций. И выяснилось, что в нынешнем 2017 году многие из этих дат стали юбилейными. Причём, оказалось, что даже упоминание или краткий рассказ об этих юбилеях много говорит и уму, и сердцу. Так, например, в этом году кацкари могут отметить 125-летие со дня открытия школы в Мартынове и 120-летие Рождественской библиотеки. А могут – 400-летие первой записи кацких названий: в 1617 году впервые в официальном документе были упомянуты кацкие деревни Нефино и Демидово. А как хочется услышать записанные от кацких крестьянок и опубликованные в «Кацкой летописи» прекрасные старинные песни: «Вот настанет осеннее утро», «На паперти Божьего храма», «Под неба синим куполом» и другие! В этом году – как раз юбилей их публикаций в «КЛ». Да что говорить! Шкатулка – доклад Светланы Николаевны – довершу наполнена самыми разными – и подчас удивительными! – «круглыми» датами. Такой вот юбилейный подарок.

...Закончились чтения. Напоследок мы ещё посмотрели симпатичный документальный фильм Угличского телевидения **«Кацкий феномен»**, снятый ЕЛЕНОЙ ЛЕОНИДОВНОЙ КУЛИКОВОЙ с коллегами. А потом мы, заволосные, уехали в свой заволосный город. Уехали с надеждой – через год, если Бог даст и судьба будет милостива, вернуться в Мартыново. Войти после долгого пути в знакомый дом, встретить милых сердцу друзей, погреться об их улыбки и о тёплый бок деревенской печки. А потом, выпив чайку с дороги, устроиться на своих местах в зале – и слушать. Мы ведь и приезжаем каждый год единственно для того, чтобы послушать. И что-то важное для себя понять.

Ирина Хоновна Шихваргер,
г. Ярославль

Побахорим по-кацкие

Воро́вка – вповала́чкю

УДАРНЫЕ БУКВЫ ОБОЗНАЧЕНЫ ПОДЧЁРКИВАНИЕМ.

ВОРОВКА – (о животном) поступающее не так, как ожидают люди. *Корова-воровка: ёё в стадо гонишь, а она пошла воровать!* (Ордино). *В любом стаде обязательно нащётся корова, которая воровка.* (Рождественно). *Уж такая у меня корова-воровка: пока все ведра не обинюрит, на двор не взойдёт.* (Мартыново). *Курица-воровка: кладётся, не услёжу и где.* (Хороброво).

Мн. число **воровки**.

В Словаре русских народных говоров нет. Русск. **воровка** «та, что ворует, совершает кражи».

ВОРОНКА – плетённое из корней приспособление в виде воронки, служащее, подобно современному дуршлагоу, для процеживания или протирания пищи. *Картошку в чегуне отварят и на воронку сливали. А творог – решето ставили в воронку и сливали на решето.* (Платуново).

Мн. число **воронки**.

Синонимы: **кореник, тузлык**.

В Словаре русских народных говоров нет. Русск. **воронка** «приспособление в виде конуса, заканчивающееся трубкой, служащее для переливания и фильтрования жидкостей» либо «коническая яма в земле».

ВОРОНОЙ – (о наземной части растений) пышный, сочный, ядрёный, сильный, здоровый. *У меня в тыне всё вороной!* (Хороброво). *Эвон, капуста какая вороная!* (Мартыново).

В Словаре русских народных говоров нет. Русск. **вороной** «чёрный (о масти лошади)».

ВОРОНЬЕ ПОТОРОПИЩО – нечто странное, несуразное, непонятное, бесформенное, второпях сделанное. *Чёго же у ней на голове за воронье поторопищо? Некак не разберу..* (Мартыново).

Устойчивое сочетание.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВОРОТИНА – одна из двух створ ворот. *Чёго у нас сёгодня на фирме происходило ночью: воротина в крови, Зойкина шаль вляётся, сапоги в грязи торчат!?* (Киндяково). *Открой онну толькё воротину.* (Платуново). *Воротину-то не закрыла, и чужая корова вошла.* (Рождественно).

Мн. ч. **воротины**.

По Словарю русских народных говоров, вологодское, псковское, смоленское и ярославское.

ВОРОТЦА / ВОРОТЕЧКА – калитка: небольшая дверь в заборе, в воротах, в ограде, в загородке для скота. *Воротца в палисадник открыты.* (Платуново). *Закрой воротца, найдут курицы.* (Ордино). *А вы чёго жо, воротца каждой день запераете?* (Дьяконовка). *Воротечка в тыне поломалась.* (Рождественно).

Ед. число не употребляется.

Не путать с **калитка** «дверь с улицы на гандарю» либо сама «гандаря».

Словарь русских народных говоров отметил сходие по соотношению и по значению слова во многих областях России.

ВОРОХ – куча обмолоченного, но не провеянного зерна либо околотенного, но не провеянного льняного семени. *Лён на дороге колотили, после колочения ворох волокушой сгребали.* (Платуново). *Околотим – скамейки к стороне, метём вороха.* (Дьяконовка).

Мн. число **вороха**.

В словарях русского языка имеет помету «сельскохозяйственный термин».

ВОРОХОНЬЁ – человек, делающий всё быстро, а отто-

го неаккуратно, некачественно. *Да чёго оно, ворохоньё какоё-то!* (Балакирево).

Мн. число **ворохоньи**.

Синоним **варахоба**.

В Словаре русских народных говоров нет. Русск., укр. **ворох** «куча, груда», др.-русс. **врахъ** «ток, снопы, предназначенные для обмолота», польск. **zawroch** «метель, вихрь» восходит к «ворошить» (Фасмер).

ВОРОЧАНОЙ – о сене: ворошёное, то есть перевернутое граблями в процессе сушки. *Сено-то уже ворочаное.* (Ордино). *Дождь, а сено ворочаное – сопрёт!* (Рождественно).

В Словаре русских народных говоров нет.

ВОРОЧАНЬЁ – ворошение сена граблями во время сушки. *Насмотрело мне это ворочанье!* (Мартыново). *Ворочанье-то сёгодня сколькё!* (Ордино).

Мн. число не употребляется.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВОРОЧАТЬ¹ – ворошить: передвигать, поворачивать, разгребая, гребя сено, солому и т. д. *Собралась твою кошаницу ворочат.* (Хороброво). *Ишио кошенина-то в росе, а она уж ворочает!* (Рождественно). *А дальше начиналась работа женская и детская. Бить валки, а потом несколько дней ворочат и сушить скошенную траву, следить за небом, как бы не набежала туча.* (Голосов «Сенокос по-кацкие»).

Сов. вид **выворочать, приворочать**.

В Словаре русских народных говоров такого значения нет. Русск. **ворочать** «передвигать, поворачивать что-либо тяжёлое».

ВОРОЧАТЬ² – бить «чушки» (головешки), угли в печи во время топки или в костре. *Тише мешалкой-то ворочай – всю печку разворитишь.* (Хороброво).

Сов. вид **поворочать, повернуть**.

Синоним **мешать**.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВОРОЧАТЬ С ПРИТРЯХИВАНЬЁМ – ворошить сено, для лучшей просушки приподымая сено на граблях, как бы сбивая его. *Однажды наши косили у барина, а дочка Ефросинья (прабабка моя) ворочала, сушила. А она это очень любила и ворочала «с притряхиванием».* *Управляюще-му её работа так понравилась, что он попросил Зиновия Тимофеевича (отца девочки) оставить её на весь день, чтобы всё досушить.* (Гречухин «Про крепостного прадедушку»).

Устойчивое сочетание.

Синоним **притряхивать**.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВОРОЧАТЬСЯ – возвращаться. *Не хватит зёрна, вот и ворочайся – всё ходи и ещё насытай. Вот, на сёрёдке холма стали ставить мешечки-то.* (Балакирево). *Ну, ты побыстрей ворочайся!* (Ордино).

Сов. вид **возвёрнуться, воротиться**.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВОРЫ – игра в ручеёк. *На биседах и в воруы играли. Што за «воры»? Ну, ручеёк по тёперешнему-то.* (Левцово).

В Словаре русских народных говоров такого значения нет.

ВОСКАЧКИ – вскачь, скачками, очень быстро. *Для цельней день бегаю – то с почтой воскачки, то ёщо куды!* (Мартыново). *Башиур загоняли – воскачки бежали.* (Киндяково).

Наречие, не изменяется.

Словарь русских народных говоров отметил это слово, но с другим ударением, в Вятской губернии – **воскачки**.

ВОСПА – оспа. *Вот Надя, помню, умерла шести месяцев от роду – чёрная **воспа** тогда ходила, всё лицо и тело нарывало.* (Темняткин «Павлово и Трушнево»).

Мн. число не употребляется.

По Словарю русских народных говоров, широко распространено.

ВОСЬМУХА – вид бёрда – детали ткацкого стана – рассчитанного на восемь пасем ниток основы; мера, определяющая ширину ткани. *Кудёлю ткали в **восьмуху**.* (Новинки).

Мн. число не употребляется.

В Словаре русских народных говоров – архангельское и костромское.

В ОТВЕРНЯЧКЮ / В ОТВОРОТКУ – отвернувшись. *Обиделась на меня Валёнтина-то. Уёжжала, хотела порыхать, да не стала – села в **отвёрнячку**.* (Хороброво). *Чёго сидишь в **отвёрнячку**?* (Ордино). *Я её и не розглядела, она в **отворотку** сидела.* (Рождествено).

Наречие, не изменяется.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВОТОТКА / ВОТОТКИ – вот, здесь, тут. *Да я и живу **вототка!*** (Онтеплево). ***Вототки**, на столе стоит!* (Ордино).

Указательная частица, не изменяется.

Вототка Словарь русских народных говоров обнаружил в Вологодской, Тверской и Ярославской губерниях, а **вототки** – в Вологодской.

ВОТРЯ / ВОТРИЦА – отходы при обработке льна. *Поопосле сортировки в ригелён отправят на завод, а остатки – **вотря**.* (Ордино). *Хорошое-то вычешут, а останётся **вотря**.* (Платуново). *Бахорили и «**вотрица**».* (Хороброво).

Мн. число не употребляется.

Слова со схожим значением: **околотки** «отходы при колочении льна», **омяльё** «отходы при мятье», **отрепки** «отходы при трепании», **пачёси** «отходы при чесании льна».

В Словаре русских народных говоров **вотра**, **вотря**, **вотреть**, **вотрец**, **вотрина**, **вотрина** – распространённые названия отходов после молотбы различных культур либо измятая после молотбы солома.

ВОТЧЁР – ваучер. *Навидумывали незнамо и чёго: **вотчёры** какие-то...* (Хороброво).

Мн. число **вотчёры**.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВОШКАРИЦА¹ – мошка. *Откудых-то **вошкарицы** налетели, жоголяются.* (Ордино).

Мн. число **вошкарицы**.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВОШКАРИЦА² – маленький ребёнок или детёныш животного. *Мы роботать с десяти годов пошли, народ нас жалел: «**Какие **вошкарицы**, и стоят с сёрьпам!»** (Глинино). *Непраская умёня нонче собака – **какая-то **вошкарица****.* (Мартьяново).*

Общий род.

Мн. число **вошкарицы**.

Слова со схожим значением **робёнок** «ребёнок», **падёрёнок** «ребёнок (чаще озорной, хулиганистый)».

В Словаре русских народных говоров нет.

ВОШКАТЬСЯ – возиться; заниматься каким-либо делом, достоящим много хлопот, труда; излишне медленно и кропотливо делать что-либо. *Ну чёво ты тдмо **вошкаёшься**, давай быстрее!* (Ордино).

Сов. вид **провошкаться**.

Слова со схожим значением: **дековаться** «нянчиться, возиться с кем-либо, уделять кому-либо слишком много внимания», **конодыряться** «канителиться, копать, возиться, бестолково и медленно делать какое-нибудь дело», **тепячиться / тинячиться** «долго собираться, медленно и с неохотой делать, возиться, канителиться».

По Словарю русских народных говоров, широко распространённое.

ВПЕРЁГОНКИ – наперегонки. *Мы, дёвчонки, конешно, дождём, не отстанём, а **вперёгонки-то** не гнались.* (Балакирево).

Наречие, не изменяется.

Русск. **вперегонки**, **вперегонки**, **вперегонку** – то же.

ВПЕРЁДИ БОГ, А МЫ ЗА НИМ! – восклицание перед дальней дорогой или важным делом (обычно при выходе из дома). *Ну, **вперёди Бог, а мы за ним!** Помаскалили!* (Хороброво).

Устойчивое выражение.

ВПИЛИТЬСЯ – врезаться: при стремительном движении наскочить, налететь на кого-либо или что-либо. *Да как жо ты это в дерево-то **впиллся?*** (Мартьяново). *Такая темнядь – как бы в столб **не впилился!*** (Ордино). *Облёденица: машина в машину **впиллась**.* (Рождествено).

Несов. вид не употребляется.

В Словаре русских народных говоров нет.

В ПИНКИ – пинками, пиная, ударяя ногой или коленом. *Жона, как увидит ёго с бутылкой, так **в пинки** и домой.* (Хороброво). *Вот как насмоглед – **в пинки** гнала!* (Рождествено). *Насдушки выставили ёго **в пинки**.* (Ордино).

Наречие, не изменяется.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВПЛАВОК¹ – вплавь. *Черёз рёку **вплавок** переберались.* (Ордино).

Наречие, не изменяется.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВПЛАВОК² – (о кушаньях) обильно сдобрив маслом или сметаной. *Насдухи **вплавок** подала.* (Платуново). *Вот как забелы накладёт, дак **вплавок!*** (Мартьяново).

Наречие, не изменяется.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВПОВАЛЯЧКЮ¹ – вповалку: один подле другого, без особого порядка (лежать, спать и т. п.). *Мать постельник бросит, мы и спим **вповалчкю**.* (Нефино). *А гости напились и повалились **вповалчкю**.* (Рождествено).

Наречие, не изменяется.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВПОВАЛЯЧКЮ² – (о сильном смехе) что есть силы, до упаду. *Уж мы с ним так насмеялись – **вповалчкю!*** (Рождествено).

Наречие, не изменяется.

Синоним **взаходы**.

В Словаре русских народных говоров нет.

ВПОВАЛЯЧКЮ³ – (о состоянии алкогольного опьянения) в стельку, до бесчувствия. *Вся дёревня **вповалчкю** – сорок нней справляли.* (Мартьяново). *Гости напились все **вповалчкю**.* (Рождествено).

Наречие, не изменяется.

Синонимы: **в достку**, **в дрызину**, **в дрязину**, **в мотло**, **в сопелькю**, **в сраку**, **в улоп**, **в умат**, **в уматень**, **в чегунах**, **до улопу**, **на рогах**.

В Словаре русских народных говоров нет.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Словарь русского языка», том I «А-Й», Москва, «Русский язык», 1999 г.
2. Словарь русских народных говоров», выпуск 5-ый «Востество – Выростковский», Санкт-Петербург, «Наука», 2002 г.
3. Фасмер М. «Этимологический словарь русского языка», том I «А-Д», Москва, «Астрель – АСТ», 2004 г.
4. Голосов П.Н. «Сенокос по-кацкие» // «Кацкая летопись», № 4 (172), осень 2014 года.
5. Гречухин В.А. «Про крепостного прадедушку» // «Кацкая летопись», № 5-6 (88-89), май-июнь 1999 года.
6. Темняткин С.Н. «Павлово и Трушнево» // «Кацкая летопись», № 3-4 (98-99), март-апрель 2000 года.

Круглый стол «КЛ»

Поговорим про жизнь в колхозной деревне

С просьбой повспоминать-поговорить о жизни в колхозной деревне мы обратились к читателям в № 4 (180) осенью 2016 года, когда печатали обращение под тем же названием нашего постоянного автора из Санкт-Петербурга Николая Михайловича Шварёва. И вот разговор завязался! Слово взяла тутаяевская читательница «КЛ» Надежда Ивановна Соломонова – земляки-кацкари её знают как Надю Чеснокову из деревни Мартынова. Однако ж чтобы наш заочный «круглый стол» (см. название рубрики) стал действительно «круглым столом», ждём ещё выступлений наших читателей.

Уважаемые земляки! Спасибо вам за любовь к нашей малой Родине, за издание журнала «Кацкая летопись». Как хорошо написала Надежда Алексеевна Абрамова в № 4 за 2016 год о журнале: «У меня сегодня праздник». Она выразила общее мнение всех заволосных кацкарей, кому интересна история и жизнь нашего родного края. Вот и мне после прочтения, как всегда, от корочки до корочки журнала, захотелось поделиться своими воспоминаниями про жизнь в колхозной деревне Мартынове, откуда я родом и где прошли моё детство и юность.

Годы летят быстро. С тех пор прошло 60-65 лет, жизнь деревенская стала другая и саму деревню не узнать: нет грязи – на улицах асфальт, ухоженные дома с электричеством, газом, водопроводом и бытовой техникой. И люди – хорошо одетые, грамотные, могут «дать фору» многим городским.

А что было тогда, в 1950-1980 годы прошлого века? Как жили мы – дети, родившиеся после Великой Войны?

Самое первое, что я помню из детства, переживания моих родителей и жителей деревни о смерти И.В. Сталина весной 1953 года. Мне тогда было четыре года. К нам в дом часто приходили соседи: дядя Миша Григорьев (владелец дома, где этнографическая изба Музея кацкарей), дядя Миша Ершов (сосед Григорьевых), дядя Саша Кочнев («Чекушкин» – почему-то звали деревенские), местный фельдшер дядя Ростя Преображенский и другие жители деревни. Со страхом и скорбью говорили что-то; теперь-то я понимаю, что они обсуждали политические события и задумывались о будущем.

Заглядывали к нам «на чайк», как

говорила мама, работники сельсовета: секретарь Зинаида Дмитриевна Тихомирова, библиотекарь Нина Николаевна Виноградова. С отцом дружил и бывал у нас почти каждый день Иван Николаевич Чураков, живший в Юрьевском и ездивший всегда верхом на лошади.

Так что мои родители были в гуще всех событий, происходивших в колхозе, районе, стране.

Наш старенький дом в те годы находился между сельсоветом (ныне административное здание Музея кацкарей) и избой дяди Саши Кочнева, где теперь тоже музейная изба. Теперь на месте моего дома лужайка; осталась только берёза, под которой когда-то фотографировал нас, деревенских ребятишек и всех желающих, мой старший брат, приезжая к нам на каникулы из Ленинграда.

В доме были одна большая комната с лавками по стенам и кухня с печью. Посредине комнаты стоял большой деревянный стол со скамейками, над ним

висела керосиновая лампа со стеклом. На окнах ситцевые цветные занавески. Самым любимым местом у нас, детишек, была большая печь и полаты, где мы играли, спали иногда, слушали сказки или рассказы бабушки.

К печке была пристроена «карженка», на которой спала бабушка Анастасия Васильевна Чиркова, в девичестве Молчанова. Она плохо ходила после инсульта, двигалась по избе с помощью скамейки, колясок для инвалидов тогда у нас не было. После её смерти в 1956 году на этой же карженке спала другая бабушка – Мария Ипатьевна Чеснокова-Щеникова, переехавшая к нам

Первоклассница Надя Чеснокова (автор письма). д. Мартыново, 1956 год.

Снимок из Собрания Этнографического музея кацкарей

«на житьё» от дочки из Днепропетровска. В карженке была дверца, через которую спускались по лесенке в подполье за картошкой, овощами, яблоками, кистями красной рябины. Яблоки и рябину родители ещё морозили на чердаке и зимой кормили нас этими деликатесами. Мы не знали, что где-то есть ещё такие фрукты как груши, апельсины, бананы, мандарины.

Печь мне запомнилась очень большой. Мы на ней и спали, и болели, и выздоравливали, и ещё мылись. В те времена бани в деревнях были большой редкостью – только зажиточные крестьяне могли построить. Процесс мытья проходил следующим образом. Утром печь топили получше (чтобы она не остыла до вечера) и ставили в неё большущие чугуны литров на пятнадцать с водой для мытья; в один из чугунов клали золу, чтобы получился «щёлок», или «мылкая» вода, как говорила мама с бабушкой. Перед мытьём, обычно вечером, из печи выгребали эти чугуны, угли, золу, на под печки клали солому и половики, ставили керосиновую лампу в один из углов для освещения. Затем туда забиралась мама; бабушка или папа подавали ей воду в тазах из алюминия, и мама намывала нас по очереди. В печке было очень тепло, и мы вылезали оттуда распаренные и горячие, иногда с чёрными пятнами от сажи. Бабушка сразу же обмывала нас в корыте с чистой водой. И мы ложились спать. Перед сном мама давала нам по чайной ложке рыбьего жира, который мы так ненавидели! Но дисциплинированно пили, так как не хотели иметь «кривые ноги», которыми нас мама пугала.

Спали мы на лавках с приставленными к ним скамейками, на которые стелились «постельники» (домотканые матрасы, набитые сухой соломой или осокой). Родители спали на железной кровати за цветной занавеской. Простыней и пододеяльников у нас не было. Мама шила из каких-то тканей и лоскутков одеяла и «полотья» (пелёнки, типа простыней). Утром после сна постели и скамейки выносили в сени или чулан, чтобы они не мешали в избе. Мама мне потом рассказывала, что один из уполномоченных из района (работники сельсовета приводили к нам приезжающих к ним командировочных попить чаю и пообедать, так как на работе «чаёвничать» было не принято) похвалил её за шитьё и рукоделие и сказал, что во многих сёлах есть семьи, где люди спят на соломе.

Всем жилось трудно после войны. Не на что было купить одежду и обувь, домашние вещи и еду. За тя-

жёлую работу в колхозе с работниками рассчитывались натуральной продукцией: зерном, сеном, соломой – в конце года в соответствии с заработанными трудоднями. Зерно мололи на жерновах в муку или меняли на муку и горох в Угличе на мелькомбинате. Ездили туда на лошадах обозами по несколько деревенских подвод; по одному мужику боялись ездить, так как на дорогах в лесах грабили.

Из муки пекли в родной печке «чёрный» хлеб и белый, оладьи, блины; парили капусту, брюкву, красную свёклу. Блины начиняли пареной толчёной брюквой, мазали сметаной или маслом. Из свёклы и пророщенной ржи мама делала сухарики для пива и кваса, и ещё с ними мы пили чай. Чай был не листовый, а в ягодных брикетах – мы его иногда ели как конфеты украдкой от родителей. Творог, сметана на столе были редко, так как у нас была одна корова на большую семью, а надо ещё поить молоком телёнка и ягнят. Мясо ели только осенью и зимой. Основной едой была картошка во всех видах: суп, окрошка, жареная, печёная. Из картошки делали ещё крахмал, а из него вкуснущий кисель с клюквой. Ели много лука: летом зелёный с картошкой, зимой – печёный в печке вместе с яблоками. Весной собирали на картофельниках мёрзлую картошку, из которой мама пекла лепёшки; они казались нам такими вкусными!

Несмотря на тяжёлые условия труда и бытовую неустроенность, деревенские мужики и бабы верили в лучшее будущее. «Войну пережили, а уж мирную-то жизнь устроим», – говорили они.

Жизнь продолжалась. В деревенских семьях рождалось по трое, четверо, пятеро, шестеро и более детей. В целях увеличения численности населения аборт в стране были запрещены, поэтому рожали столько, сколько «Бог пошлёт». У моих родителей Ивана Васильевича и Зинаиды Александровны Чесноковых родилось шестеро детей, а в живых осталось пятеро:

- Вячеслав, 1939 года рождения, окончил Ленинградское Высшее Военно-Морское училище имени Ленина, служил Родине на Тихоокеанском военном флоте, живёт во Владивостоке;

- Надежда, 1949 года рождения, окончила Костромской сельскохозяйственный институт по специальности «экономист сельскохозяйственного производства», живёт в Тутаеве;

- Василий, 1950 года рождения, окончил профессиональное училище по специальности «тракторист-

машинист», жил в Мартынове, умер в 2015 году;

- Александр, 1954 года рождения, окончил Рыбинский речной техникум, живёт в Рыбинске;

- Михаил, 1956 года рождения, окончил школу для слепых и слабовидящих, живёт в Ярославле.

За рождение и воспитание детей Правительством СССР маме присвоено звание «Мать-героиня», она награждена «Медалью Материнства» I-й степени. Женщины, награждённые такими медалями, имеют некоторые льготы, в том числе возможность выхода на пенсию в 50 лет. Знаю, что такими медалями в нашей деревне награждены:

- Тамара Павловна Ершова, родившая и воспитавшая пятерых детей: Владимира, Сергея, Виктора, Анатолия, Галину;

- Нина Николаевна Виноградова, родившая и воспитавшая пятерых детей: Надежду, Алексея, Елену, Лидию, Сергея;

- Павла Васильевна Година, родившая и воспитавшая пятерых детей: Евгения, Александра, Михаила, Екатерину, Алексея;

- Мария Фёдоровна Догадкина и Вера Ивановна Галунова, родившие и воспитавшие по шесть детей.

Детство наше было босоногим и трудовым. «Босоногим» – потому что с ранней весны до поздней осени бегали босиком, а в прохладную и холодную погоду надевали резиновые сапоги. Из летней обуви – одни сандалии, их берегли, одевали только в гости и по праздникам. Даже резиновки, клееные-переклеенные отцом, берегли. Помню, как-то наша ватага играла ранней весной в лапту за Мартыновом к Щербову на весенних проталинках. Серёжа Ершов снял резиновки, и мы вслед за ним побросали и свои в ещё нерастаявший снег и гололёд, и было уже нестрашно наступать босыми пятками на холодную землю. Он верховодил нашей ребятнёй, его организаторский талант проявлялся уже в детстве. Семьи наши жили дружно, помогали друг другу. Иногда родителям приходилось отлучаться из деревни куда-либо (в больницу), и детей оставляли на попечение Серёжи. Он у нас был «поилец и кормилец»: истопит печь, сварит в ней щи, напечёт картошки в чугунах и всех накормит, напоит топлёным молоком из печи. А сейчас он и его дети продолжают дело наших отцов и дедов – живут на нашей родной земле; его родное детище – СПК «Мерга».

Уже с трёх-четырёх лет мы помогали родителям по хозяйству: носили дрова к печке, воду (по полведра наливали нам мама из колоде-

ца) для дома и во двор для поения коровы. Когда подросли, то уже летом пололи в огороде грядки, ворочали и сушили сено, пилили и кололи дрова вместе с отцом. Вместе с родителями в дождливую погоду ходили или ездили на дрогах (телеге) на лошади в лес за грибами, за малиной (в хорошую погоду родители работали в колхозе или на домашней работе).

В те времена все полянки в лесах и болота выкашивались колхозниками для заготовки сена личному скоту. На этих покосах стаями росли подберёзовики, волнушки белые и розовые, подосиновики, если рядом были осинки, а в молодых посадках ёлочек прятались рыжики. Грибы сушили и солили в деревянных кадках – шайках. А вкус солёных грибов и огурцов из деревянных кадушек с деревенскими специями – неповторим!

Всё свободное время мы проводили на улице. Летом купались в прудах и на речке, что текла за нашей деревней со стороны Апраксина. Тогда в ней были большие бочаги, в которых мы не только купались, но и ловили рыбу руками и вершами. А зимой на этой же речке до тёмного вечера катались с её крутых бережков на деревянных санках и лыжах с валенками. Сани

и лыжи нам мастерили отцы из осины.

Но больше всего мне запомнились долгие зимние вечера при свете керосиновой лампы, так как электричества, телевизоров, компьютеров в те далёкие-близкие времена в селах Кацкого стана не было. Мама с бабушкой пряли овечью шерсть или вязали из неё тёплые варежки и носки, отец подшивал «дратвой» валенки, а мы слушали страшные истории про бандитов, индейцев и сыщиков, которые нам рассказывал Михаил Игнатьевич Щеников. Он дружил с отцом, работал бухгалтером в колхозе, хотя был инвалидом с детства. Нам казалось, что он знает всё на свете – так много он знал по истории и географии. Потом, когда я уже сама стала читать книги, поняла, что он пересказал чуть ли не все истории про Шерлока Холмса и романы Теодора Драйзера про индейцев.

Часто бывал у нас Ростислав Александрович Преображенский, родители ходили в гости к нему по праздникам. Мне запомнился один такой «поход» к ним. Отец шёл с гитарой, мама с какими-то свёртками и мы – дети – гуськом за ними.

Тётя Люба, жена Ростислава Александровича, угощала нас вкусностями того времени: щи из капусты, капустой пареной со сметаной, пирогами с капустой и яйцами, блинами с пареной брюквой, тушёной картошкой, всевозможными напитками из ягод, яблок, калины. Но самым лучшим «блюдом» для нас было пение отца и Ростислава Александровича, обладавшего очень хорошим голосом. Женщины подпевали главному вокалисту. Они любили петь старинные песни: «Когда я на почте служил ямщиком», «Вот мчится тройка удалая», «Буря мглою небо кроет» и другие. Мы, дети, слушали их и играли с их младшим сыном Сашей, который вскоре заболел менингитом и после болезни стал умственно-отсталым инвалидом, а сейчас эта болезнь лечится.

В 1950-80-е годы деревенские жители охотно ходили в клуб в кино, на танцы, участвовали в художественной самодеятельности, играли в струнном оркестре. Одним из участников оркестра в конце 1950-х был мой отец, хорошо игравший на гитаре, балалайке и мандолине. Иногда к нам приходил дядя Саша Кочнев (мандолина), дядя Миша Виноградов (балалайка), и они репетировали, готови-

«Конечные». Ребята с Щербовского конца (слева направо): Вова Шерстнёв и его сводные братья Виктор и Сергей Ершовы, Лёня Виноградов, Надя Чеснокова (автор письма), Тоха Ершов (четвёртый брат), Вася Чесноков (брат Нади), Тоня Виноградова, Надя Виноградова (сестра Лёни), Тамара и Тоня Лукины. д. Мартыново, первая половина 1950-х годов.

лись к концерту. В концертах участвовали и другие жители, но их имена я уже не помню. Наш оркестр ездил выступать на смотры художественной самодеятельности в Мышкин, Рыбинск, Ярославль. До сих пор храню папины сувениры за призовые места: самовар и портсигар. В каждый советский праздник в клубе состоялись концерты художественной самодеятельности, которых все ждали с нетерпением. В округе было много талантливых певцов, певцов, чтецов, но «гвоздём» программы были пьески из произведений А.П. Чехова «Лошадиная фамилия», «Хирургия», «Хамелеон» и другие в исполнении местных артистов Михаила Алексеевича Виноградова, Ивана (по отчеству, кажется, Александровича) Золотарёва, Виктора Васильевича и Надежды Александровны Мелёшкиной. Больше всех аплодисментов доставалось им.

1956 год. Наступила пора идти мне в школу. Чтобы подготовить дочку к такому важному событию, маме пришлось ехать в Рыбинск продавать мясо ягнёнка на рынке. Папа довёз её на лошади до станции Маслово (25 км от Мартынова), посадил на поезд до Рыбинска и ждал её у знакомых до вечернего поезда. На вырученные деньги мама купила ситца на платье, чёрного сатина на фартук, резиновые сапоги и угощения для нас: баранок, сушек, карамели-подушечек, сахара. Портфель и тетради мне привёз из Ленинграда старший брат. Учебники в школе выдали бесплатно.

Начальная школа находилась на Прогоне. Ходить до неё приходилось огородами, так как на центральной улице осенью всегда была непролазная грязь, местами до колен. Жители мостили гиблые места досками, но как только прогонят стадо коров на пастбище да трактористы ещё прокатятся, так опять дорога превращалась в жуткое месиво.

Начальные школы тогда были почти в каждой деревне, учились в них с первого по четвёртый класс. Учебный процесс вела одна учительница. В Мартыновской школе нас учила Антонина Николаевна Дорофеева. Учить четыре класса одновременно нелегко – нас было человек двадцать, у всех разные способности к учению. Антонина Николаевна сначала давала задания 3-му и 4-му классам, а потом уже занималась с 1-м и 2-м классами – успевала поработать со всеми. Кроме уроков она проводила с нами спортивные мероприятия: игры в «вышибалы» с мячом, в лапту, футбол. Зимой мы с ней катались на лыжах, а летом ходили в лес и поле

изучать природу. Она нам казалась строгой, но справедливой и доброй. Тех учеников, кто плохо усваивал материал на уроках, оставляла после уроков заниматься дополнительно.

В начальной школе нас в первом классе принимали в «октябрюта». Мы гордились этим званием, потому что «октябрюта – это будущие пионеры», а в пионеры принимали в десять лет, в третьем классе. Чтобы стать пионером, мы старались лучше учиться, быть послушными и прилежными и учили клятву пионера: «Я, пионер Советского Союза, торжественно клянусь горячо любить свою Советскую Родину и т. д.». Антонина Николаевна готовила с нами ещё концерты для школьных праздников, разучивала патриотические песни и народные танцы «На реченьку», «Краковьяк» и другие. Когда я училась в шестом классе, она умерла. Похоронили её на кладбище у Николо-Топорской церкви со стороны Киндякова. На похоронах было много народа и выступающих из деревень, района. Мы, школьники, стояли в почётном карауле. Каждый год, бывая на кладбище, ищу её могилку, но не нахожу. Царство небесное ей и всем, кто спит вечным сном на родной земле!

1960 год. Мы учимся в пятом классе Мартыновской восьмилетней школы. Класс сборный – пришли ученики из Мартыновской, Нефинской и Николо-Топорской начальных школ. Помнится, человек 20-22; еле уместились парты в самой большой комнате школы. Ребята из Нефина, Дьяконовки, Сидоровки, Перемошья ходили пешком 5-6 км до Мартынова каждый день, в любую погоду к девяти часам утра в школу. Прогуливали уроки и болели очень редко. У меня сохранилось несколько табелей за школьные годы, где в графе «пропущенные уроки, в т. ч. по болезни» стоит прочерк – то есть за все годы учёбы не пропущено ни одного урока! Внучку мою это очень удивляет. «Бабушка, тебя надо в книгу рекордов Гиннеса записать, сейчас так никто не учится», – говорит она.

Здесь мы уже учились в школьной форме. Девочки в коричневых платьях из саржи или шерсти, мальчики в тёмно-синих костюмах. На платье надевали чёрный фартук, пришивали белый воротничок, волосы заплетали в косы с чёрными или коричневыми шёлковыми лентами, на шею повязывали красный пионерский галстук. Белый фартук и белые рубашки мальчишкам надевались только в праздничные дни. Но надо отметить, что форма была не у всех школьников,

не все родители покупали форму для детей. Причины разные: у кого-то не было денег, кто-то не считал нужным.

В школе мы не только учились – работали на пришкольном участке, выращивали картофель и овощи для школы, школьного буфета. Нас кормили бесплатно один раз в день первым и вторым блюдами плюс чай или компот. Еду готовили тут же в школе П.В. Негодина и З.А. Чеснокова. Они работали техническими служащими и подрабатывали в буфете.

В наши школьные годы (1950-60-е) в советские времена государство больше заботилось о подрастающем поколении. Нас не только бесплатно кормили, но и бесплатно выдавали учебники, всех желающих школа обеспечивала спортивным инвентарём (лыжами, коньками, мячами и т. п.). Летом, кто желает, ездили в пионерские лагеря за минимальную оплату путёвки или бесплатно. Так мы с братьями побывали в пионерском лагере в деревне Синицыне Мышкинского района. Среднее и высшее образование было доступно всем желающим на бесплатной основе. Когда я училась в восьмом классе, к нам в школу приезжали преподаватели из техникумов, училища, работники райкома комсомола агитировать поступать в учебные заведения сельскохозяйственного профиля.

В школьные каникулы все старшеклассники работали наравне со взрослыми на колхозных полях: ворошили и убирали сено на конных подводах, складывали его в стога, теребили вручную лён и вязали его в снопы. В августе после обмолота лён расстилали на лугах, после вылежки в сентябре уже льнотресту собирали и вязали в снопы. Копали картофель и свёклу для коров на ферму и другие работы. За колхозную работу в летние каникулы после седьмого класса я заработала 35 рублей, и мама купила мне первые в моей жизни часы «Заря» Пензенского часового завода за 32 рубля. Этот свой первый заработок и часы помню всю жизнь.

Учили нас по математике, алгебре, геометрии – Николай Григорьевич Антошин с Валентиной Николаевной (её фамилии, к сожалению, не помню), по географии и немецкому языку – Василий Васильевич Крюков, по физкультуре и труду – Николай Иванович Знамов, по литературе и русскому языку, истории – Ольга Васильевна Знамова, по ботанике и химии – Мария Фёдоровна Георгиевская.

Наши учителя старались дать нам не только программный материал по предметам. Помню познавательные походы с Н.И. Знамовым по

Кадке, экскурсии в колхозную машинно-тракторную мастерскую и пилораму в Апраксино с посещением сырзавода и старого парка, сохранившегося частично с барских времён. Поход на Рождественский льнозавод позволил нам узнать, для чего мы растим лён. После уроков раз в неделю у нас проходил внеклассный час, когда наш классный руководитель Н.И. Знамов обсуждал с нами события в школе, деревне, районе, стране; иногда по нашей просьбе рассказывал о войне. Все наши учителя-мужчины воевали на фронте, имели награды за боевые заслуги.

Быстро пролетели школьные годы. Наши дорогие учителя дали нам хорошие знания, открыли окно в мир и вывели «в люди».

Из 22-х пятиклассников восьмой класс закончили 14 человек. Остальные наши одноклассники уехали с родителями в поисках лучшей жизни туда, где не надо ходить за пять километров в школу, магазин, медпункт, клуб, где есть хорошие дороги и работа с гарантированным заработком.

Почти все мои одноклассники продолжили образование. Нина Антошина и Вера Негодина окончили Ярославский педагогический институт и стали учителями. Вера Щеникова закончила Рыбинский педагогический техникум, работала воспитателем в детском саду. Вера Крюкова, закончив Угличский часовой техникум, стала замечательным мастером часовых дел. Надя Виноградова, Галя Синёва, Надя Чеснокова получили специальность агрохимика в Пошехонском сельскохозяйственном техникуме. Мальчишки наши уехали учиться в профессиональные училища Рыбинска и Углича, где и остались жить. Верна родному краю оказалась только Валя Темняткина – Валентина Николаевна Шумова, всю жизнь проработавшая в колхозе «Знамя Ленина».

Так закончилось моё детство в колхозной деревне, и хотя я уехала из родных мест, но по мере возможности приезжала к родителям, пока они были живы, а затем к родственникам. И всю жизнь болею душой за судьбу моего родного края, дорогих земляков.

В Кацком крае, как и во всей России, колхозы образовались в 1929-м – середине 1930-х годов. Тогда правительством страны была принята программа индустриализации промышленного производства и коллективизации сельского хозяйства. Существовавшие до колхозов сельскохозяйственные предприятия в виде коммун и артелей, а также единоличные крестьянские хо-

Июль

Месяц и число	№ документа	Отработано человеко-дней		Начислено трудовых или денег		Подпись бригадира
		по документу	итого с начала года	по документу	итого с начала года	
11/июль	срочный	3	3	0,22	38 коп	1:44
16/июль	погода	—	—	—	—	2:60
31/июль	борона	—	—	—	—	36 коп
31/июль	погода	—	—	0,22	62 коп	
18/июль	скирдование	—	—	0,16	45 коп	
22/июль	погода и погрёб	—	—	0,17	48 коп	
23/июль	—	—	—	0,63	1:76	
24/июль	—	—	—	0,22	60 коп	
25/июль	—	—	—	0,41	1:15	
26/июль	—	—	—	0,49	1:37	
27/июль	погода и погрёб	—	—	0,44	88 коп	

Месяц и число	№ документа	Отработано человеко-дней		Начислено трудовых или денег		Подпись бригадира
		по документу	итого с начала года	по документу	итого с начала года	
27/июль	погода и погрёб	—	—	0,19	53 коп	
28/июль	—	—	—	0,11	31 коп	
18/июль	закр. бурья	—	—	41 коп	24 коп	
23/июль	погода	—	—	0,06	36 коп	
1-2-3/июль	погода	—	—	0,48	82 коп	
4/июль	закр. ешмоса	—	—	55 коп	46 коп	
5/июль	погода	—	—	0,35	60 коп	
7/июль	—	—	—	0,35	60 коп	
7/июль	закр. бурья	—	—	36 коп	23 коп	
8-9/июль	погода и погрёб	—	—	0,38	65 коп	
10/июль	закр. ешмоса	—	—	72 коп	35 коп	

Месяц и число	№ документа	Отработано человеко-дней		Начислено трудовых или денег		Подпись бригадира
		по документу	итого с начала года	по документу	итого с начала года	
25/июль	закр. ешмоса	—	—	142 коп	92 коп	
1-2-3-4/июль	погода	—	—	0,49	2:30	
6-13-14/июль	—	—	—	0,41	1:93	
9-10-11-12/июль	—	—	—	0,15	70 коп	
13-14/июль	погода	—	—	0,27	47 коп	
15/июль	—	—	—	0,80	1:37	
18-19/июль	—	—	—	0,09	54 коп	
						25:49 р

Страницы из вкладыша в трудовую книгу колхозницы колхоза «Верный путь» Зинаиды Александровны Чесноковой. Июль 1962 года.
Документ из Собрания Этнографического музея кацкарей

зяйства не обеспечивали страну необходимым продовольствием, несмотря на то, что почти весь урожай сдавали государству в счёт продовольственного налога. Денежных средств на развитие хозяйств не было.

Партией ВКП(б) был принят курс на создание коллективных хозяйств – колхозов и совхозов. Деревни тогда были многолюдные, и колхозы создавались почти в каждой деревне. Тех крестьян, кто не захотел объединяться, прозвали «кулаками»; их «раскулачивали» и выселяли, отбирая имущество (дом, скот, постройки) и отправляли в Сибирь или «на все четыре стороны». Обобществление крестьянских хозяйств местные власти проводили по директивам из района, которые на местах иногда дополнялись или исполнялись вовсе не так. Обобществлялись и закреплялись уставами колхозов земля крестьян, их постройки (риги, житницы, сараи), домашний скот, лошади и так далее.

В Мартынове, по рассказам мамы, на семью оставляли одну корову, одну лошадь, две овцы и приусадебный участок 40-50 соток. Не обошлось и без «перегибов». У маминых родителей Александра Михайловича и Анастасии Васильевны Чирковых было три тулупа хороших из овчин, так один изъяли, и не только у них. Часть изъятой одежды раздавали бедноте, излишки отправляли в район.

Мама говорила, что когда сгоняли коров, овец, лошадей на общие дворы (а их было несколько, больших ферм ещё не было), то владельцы скота плакали, а беднота радовалась. По её словам, бедными в Мартынове были те, кто не хотел вести своё хозяйство, предпочитая работать в найм; были и такие, кто ходил по деревням просить «милостыню» (продукты на питание и одежду), хотя могли бы работать где-либо.

Колхоз осуществлял свою деятельность в соответствии с Уставом, принятым на общем собрании членов колхоза. Высшим органом власти в колхозе являлось правление колхоза, которое избиралось из членов колхоза на общем собрании. Правление выбирало и утверждало председателя колхоза, который контролировал всю деятельность хозяйства: работу бригад и ферм, работу специалистов отраслей – агронома, зоотехника, ветеринара, бухгалтера и других. За работу правления и колхоза он отчитывался перед вышестоящими органами власти и общим собранием членов колхоза.

Уставом колхоза закреплялись права и обязанности его членов. Приём в колхозники с 16-ти лет

Иван Васильевич и Зинаида Александровна Чесноковы (родители автора письма) на праздновании золотой свадьбы. д. Мартыново, 5 февраля 1989 года.

Снимок из Собрания Этнографического музея кацкарей

осуществлялся правлением колхоза. Уставом колхоза закреплялись и социально-экономические показатели хозяйства: посевные площади, планы по производству и реализации продукции, основные средства производства и так далее.

Устанавливалась продолжительность рабочего дня – конечно, на селе ненормированная; устанавливались и закреплялись ставки оплаты труда. До 1966 года это были «трудодни». Все виды сельхозработ в зависимости от вида и тяжести физического труда оценивались «трудоднями». За тяжёлую работу за один день можно было получить два трудодня. Учёт трудодней вёл учётчик бригады в трудовой книжке колхозника. Члены колхоза должны были выработать за год установленный минимум трудодней – 200-250. По итогам года выработанной продукцией колхоз рассчитывался в первую очередь с государством по доведённым планам, отдавал долги и ссуды, оставлял себе семена и корма для скота. А что останется – колхозникам в зависимости от заработанных трудодней.

Помню, что мои родители получали зерно, сено, солому. Зерно увозили в Углич на мельницу – там получали муку, горох, дуранду для коровы, но мы её тоже ели, и она казалась нам вполне съедобной. Чтобы купить одежду, обувь и что-либо для дома, родителям приходилось ездить в Углич или Рыбинск продавать мясо овец, яйца, яблоки на рынке.

Поскольку в созданных колхозах сельскохозяйственной техники ещё не было, для их обслуживания были созданы МТС – машинно-тракторные станции, занимавшие

ся пахотными работами и грузоперевозками. Создавались также в каждом районе семеноводческие и сортоиспытательные участки, которые после войны преобразовались в институты животноводства и кормопроизводства, как в Ярославской области со школой повышения квалификации сельхозкадров, или в институты обучения сельскохозяйственным специальностям, как в Костромской, Воронежской и других.

Семьи в Мартынове в основном были многодетные, женщины заняты на домашних работах. Для того чтобы они смогли работать в колхозе, открылся ясли-сад в самом большом доме, хозяева которого уехали в Ленинград. Позднее на этом месте в 1959-60 годах мои родители с помощью колхоза (денежной ссуды) построили большой дом. Мои братья были рады переезду из старого дома, а я жалела, что уехали далеко от библиотеки, которая находилась в сельсовете рядом с моим родным домом и мы с дочкой библиотекарёй Надей Виноградовой часто в отсутствие Нины Николаевны читали «взрослые» книги. Заведующей яслями с 1934 по 1942 год работала моя мама, закончившая курсы подготовки заведующих детсадами в Мышкине. Работала она в одном лице заведующей, поваром, воспитателем и уборщицей, успевала ещё штопать одежду или шить что-либо на детшек в сад. Вот такие раньше были нагрузки на работающих женщин! В 1942 году почти все трудоспособные мужчины ушли на фронт и маму поставили бригадиром полеводческой бригады в Мартынове. В войну женщины ра-

ботали не только в колхозе – их ещё посылали на заготовки леса и торфа. Мама говорила, что заготавливать лес было труднее и тяжелее, чем работать в колхозе; кроме тяжёлой физической работы «голод и холод круглые сутки».

В послевоенное время всех труженников села, работавших в колхозах, наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

В 1950-х годах родители работали в колхозе, как мне казалось, день и ночь. Например, в сенокосную пору: с восьми-девяти утра уборка сена на лошадях до семи-восьми вечера с перекусом в обед взятой с собой какой-нибудь еды. В десять вечера мама с папой шли косить вручную траву в колхоз до одиннадцати-двенадцати ночи. Если не ходили вечером, то часа в три-четыре утра звонок будил всю деревню – звал косить до шести-семи утра. Мама работала ещё и учёщицей в бригаде, обмеряла покосы «шагáлкой» – прибором из трёх палок с основанием два метра. Мы иногда играли с шагáлкой в игры. Норма кошения на одного человека, помню по разговорам взрослых, была 20 соток. Я примеряла это к нашей усадьбе – очень много!

Когда мы рассчитывались с колхозом за строительство дома, мама одновременно работала технической служащей в школе и дояркой в колхозе на Мартыновской ферме. Конечно, без помощи родных и детей она бы не справилась – мы старались помогать ей и в школе, и на ферме. Надо было подоить 13 коров вручную, предварительно почистить их и вымыть вымя, а затем натаскать воды для их поения с речки (в ста метрах от фермы) на коромыслах, натаскать на вилах сено с улицы каждой корове, почистить стойла от навоза, уложить навоз в тачки и вывезти его со двора к навозохранилищу. И на эту тяжёлую работу доярки ходили три раза в день. В 1970-х годах перешли уже на двукратное доение коров, соответственно и уход, появились доильные аппараты. Потом стали строить фермы с механизированным удалением навоза и кормов, автопоением, молокопроводом.

Кроме производства молока, мяса, зерна и льна, у нас ещё производили сыр и хлеб. Сыр варили в Апраксине – кажется, до 1975 года, пока в Рождествене не построили большой молокоприёмный пункт, куда молоко со всего Кацкого стана свозилось на лошадях во флягах по сорок литров (потом уже появились машины-молокоовозы). После переработки молока получались сыр, сметану, творог отправляли в Углич или Мышкин. Деревенские женщины ходили на сырзавод в Ап-

раксину покупать «сычуг» – это фермент для превращения молока в сырную массу. До сих пор помню вид и вкус домашних творога и сыра, сделанных руками мамы.

А пекарня находилась в Парфёнове. Мой отец одно время возил оттуда хлеб для жителей нашей деревни в местный магазин. Брал иногда меня с собой, когда мне хотелось купить что-нибудь в Парфёновском магазине, так как там работала тётя Катя Смирнова, мамина подруга, и ассортимент промышленных товаров был больше, чем в Мартыновском магазине. Хлеб пекли в больших печах в деревянном доме, работали там две женщины, одна из них из Мартынова – Мария Ивановна Виноградова. Пекли очень вкусные и красивые буханки, весом килограмм, с поджаренной корочкой – объеденье! Отец специально брал с собой бутылку молока, чтобы в обратной дороге покормить меня горячим хлебом с молоком. Пекарня обеспечивала хлебом, работав до начала 1990-х годов.

Постепенно послевоенная тяжёлая жизнь на селе превращалась в мирную, более состоятельную. После смерти И.В. Сталина были уменьшены, а потом и вовсе отменены продналоги с приусадебных участков. Плановые задания по закупкам сельхозпродукции доводились только до колхозов сроком на один год и пять лет. Но стране на развитие промышленных объектов, заводов и паркоходов, строительство жилья, газопроводов, нефтепроводов и прочего требовалось много денег, и правительство их занимало у бедного населения. Колхозники, как и всё население страны, в добровольно-принудительном порядке покупали «облигации» – государственные ценные бумаги со сроком погашения один, пять или десять лет. У тех, кто не имел денег, высчитывали в колхозе из заработной платы. Часть облигаций разыгрывалась в лотерею. Я помню, как мама с этими бумагами ходила на почту сверять номера облигаций, надеясь на выигрыш, но ни разу ничего не выиграла. Позднее государство гасило эти займы, но номинальная стоимость облигаций была уже не та.

В советский период в стране в целях повышения производительности труда было развёрнуто социалистическое соревнование между предприятиями, бригадами, рабочими и колхозниками. Работникам, имеющим выдающиеся успехи в труде, высокую сознательность в общественных делах и личном поведении, присваивались звания «Ударник коммунистического труда», «Ударник 11-й пятилетки» и другие. Им вручались хорошие по-

дарки и призы, а по выходе на пенсию они как ветераны труда получали пожизненные льготы на жилищно-коммунальные и другие услуги.

Думаю, что в Кацком стане ударников труда было много, так как 1970-1980 годы были временем расцвета колхозов – особенно «Верного пути». Колхоз наш тогда занимал первые места в районе и области по выращиванию льняной продукции, зерновых, сдаче государству молока, мяса, зерна, льно-соломки. В 1970-х годах колхозом руководила Вера Андреевна Каблуква – кавалер орденов Ленина, Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени. Знаю, что знаком «Ударник 11-й пятилетки» награждена Екатерина Павловна Чеснокова, всю жизнь проработавшая в колхозе агрономом...

После того, как Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущёв в 1959 году съездил в Америку и посмотрел там сельскохозяйственное производство, наше правительство стало больше выделять денежных средств на развитие сельского хозяйства. В 1966 году оплата по трудодням была заменена на гарантированную денежную оплату труда. В 1970-х годах стали получать паспорта – до тех пор правлением колхоза выдавались справки, если колхозник куда-то уезжал. Члены правления могли и не отпустить иногда в какую-нибудь поездку в гости и другим надобностям.

Периодически происходило укрупнение колхозов. Этого требовало строительство больших молочно-товарных ферм с полной механизацией труда. В колхозы поступало много техники: различные тракторы, машины, пресс-подборщики и стогометатели для уборки сена, льнотурбелки, льноподборщики и тому подобное. Для их работы требовались большие территории.

Благосостояние колхозов и колхозников росло. Были созданы профсоюзные организации; теперь члены колхоза и профсоюза могли бесплатно или за мизерную оплату путёвки в 10% отдохнуть и полечиться в санаториях, съездить по туристической путёвке по стране и за рубеж, отправить в пионерский лагерь детей. В деревнях стали строить дороги и жильё. Колхозные деревянные и кирпичные дома предоставлялись членам колхоза в пользование бесплатно. Но так же, как и землю, колхозники не имели права жильё продать или сдать в найм; если уезжал – сдавал колхозу.

Для обслуживания населения строились в центральных деревнях пункты комплексного обслуживания (КБО), где можно было пост-

ричься, купить хозяйственные товары, сдать в ремонт телевизор, холодильник и прочее. В Мартынове были построены новые почта, фельдшерско-акушерский пункт, клуб, детский сад, столовая и отремонтирована школа. Но всё это строилось в основном на государственные деньги. Собственных средств колхозам не хватало. Свою продукцию они сдавали государству по низким закупочным ценам.

И всё же в урожайные годы и с хорошим руководством колхозы работали с прибылью. У меня нет экономических данных по Мышкинскому району. В 1980-х годах я работала начальником отдела статистики в Тутаевском районе и хочу привести некоторые интересные данные из сохранившегося у меня статистического сборника. Вот такие были экономические показатели в расчёте на один колхоз (в «Верном пути», я думаю, было почти то же). На конец 1985 года в Тутаевском районе было десять колхозов. В них работало в среднем за год по 240 человек, получая среднемесячную заработную плату 191 рубль. В среднем на колхоз приходилось на конец года:

- пашни – 2333 га; посевных площадей – 2162 га; крупного рогатого скота – 1496 голов, в том числе коров – 632 гоовы; тракторов – 41 штука, грузовых автомобилей – 12 штук.

За 1985 год каждый колхоз в среднем произвёл:

- мяса – 1392 центнера (реализация на убой в живом весе);
- молока – 1405 центнеров.

Чистого дохода (прибыли) – 112 тысяч рублей, а в 1990 году – 339 тысяч руб.

Сейчас на территории Тутаевского района работают три хозяйства, да и в них посевные площади сократились, почти не осталось коров (овец и свиней давно уже нет).

Надо отметить, что некоторые колхозы были убыточные. Это обычно очень удалённые от райцентра хозяйства, где бездорожье, отсутствие школ, где не было хороших руководителей, и колхозники уезжали в поисках лучшей доли для себя и детей.

На сезонные работы в конце 1960-х годов стали присылать рабочих из города и студентов учебных заведений. Несмотря на государственную поддержку и шефскую помощь города, колхозы и совхозы стали приходить в упадок. Слишком велика была разница между закупочными ценами, по которым сдавалась сельхозпродукция государству и высокими ценами на приобретаемые элитные семена, новую технику и тому подобное.

С развалом СССР колхозы пре-

образовывались последовательно в ТОО (товарищества с ограниченной ответственностью, 1992 год), СХК (сельскохозяйственные кооперативы, 1998 год) и СПК (сельскохозяйственные производственные кооперативы, 2001 год). Это экономически крепкие хозяйства, а убыточные прекращали свое существование.

Перестройка страны из СССР в новую Россию под новым руководством так повлияла на экономику всех хозяйственных отраслей, что до сих пор не достигнуты основные экономические показатели развития страны 1980-х годов: национальный доход – ВВП, реальные доходы на душу населения, капиталовложения в строительство жилья и другие. А про сельское хозяйство, кажется, и вовсе забыли – без государственной поддержки и СПК прекращают свою деятельность. На территории Кацкого края сейчас работают только три хозяйства: «Искра», «Верный путь» и «Мерга». Причём «Мерга» была создана в 2002 году – честь и хвала его создателю Сергею Михайловичу Ершову, моему земляку.

В детстве, когда мы с отцом на лошадях ездили заготавливать веники в лес, он говорил, что леса Дымово, Глядки и другие раньше были деревянками с большими полями. И полей, то есть пашни, в 1920-30 годы было намного больше, чем сейчас – и всё успевали вспахать лошадамы. Так много народа было в деревнях!

А теперь колхозные поля зарастают лесом – жаль, что в советские времена было затрачено очень много средств на мелиорацию земель. Пустеют сёла, закрываются в них построенные в советское время школы и детские сады, пункты КБО и почты, фельдшерско-акушерские пункты. Проводится оптимизация услуг населению. В советских институтах нас учили любить и развивать Нечернозёмную зону земледелия, а теперь, по-видимому, учат в институтах другому. Некоторые экономические науки преподаются в наших институтах по учебникам иностранных учёных. Руководят нами специалисты, получившие образование за рубежом – далеки они от народа. Слава Богу, что экономические санкции помогли им обратить внимание на отрасль сельского хозяйства. Может, что и улучшится в наших сёлах и вновь затеплится жизнь в брошенных деревнях.

*С уважением ко всем кацкарям,
Надежда Ивановна Соломонова
(в девичестве Чеснокова),
г. Тутаев
(Романов-Борисоглебск),
Ярославская область*

Справка «КЛ»

Старые публикации про КОЛХОЗЫ

Предложив читателям поговорить про жизнь в колхозной деревне, мы призадумались: а что за двадцать пять лет своего существования «КЛ» на эту тему уже опубликовала? И растерялись. С одной стороны, тема колхозной жизни присутствует, по сути, в каждом номере: в воспоминаниях, рассказах о земляках, современных новостях... С другой – специальных исследований на эту тему «КЛ» никогда не печатала. Тем не менее три блока публикаций про наши кацкие колхозы имеет смысл указать.

О возникновении и первых годах существования колхозов:

1. «Первые годы Советской власти на Покровщине» // «КЛ», № 3-4 (98-99), март-апрель 2000 года, стр. 12-13.

2. «Биография родного колхоза» // «КЛ», № 5-6 (100-101), май-июнь 2000 года, стр. 12.

3. Шерстнёв А., Румянцева Л.В. «Коллективизация в селе Рождествене» // «КЛ», № 5-6 (108-109), лето 2001 года, стр. 5.

4. Блохин О., Голосов П.Н. «Коллективизация в Ординском сельсовете» // «КЛ», № 3-4 (116-117), март-апрель 2002 года, стр. 12.

О жизни колхозов в годы Великой Отечественной войны:

1. «Средняя Кадка. Первые месяцы войны» // «КЛ», № 2 (141), весна 2007 года, стр. 6-9.

2. «Средняя Кадка. Война. 1942-й, самоотверженный» // «КЛ», № 2 (145), весна 2008 года, стр. 6-11.

3. «Средняя Кадка. Война. 1943-й, переломный» // «КЛ», № 2 (149), весна 2009 года, стр. 6-10.

4. «Средняя Кадка. Война. 1944-й, канун Победы» // «КЛ», № 2 (154), весна 2011 года, стр. 6-10.

5. Соколова И.Н. «Нижняя Кадка в 1941-1945 годах (по материалам углической районной газеты «Коллективный труд»)» // «КЛ», № 2 (158), весна 2011 года, стр. 6-10.

Анкеты про жизнь колхозов уже в наши дни:

1. СПК (колхоз) «Искра» // «КЛ», № 1 (153), зима 2010 года, стр. 4.

2. СПК (колхоз) «Оборона» // «КЛ», № 2 (154), весна 2010 года, стр. 4.

3. СПК (колхоз) «Верный путь» // «КЛ», № 3 (155), лето 2010 года, стр. 4.

4. ООО «Новая жизнь» // «КЛ», № 4 (156), осень 2010 года, стр. 4.

5. СПК (колхоз) «Богданка» // «КЛ», № 1 (157), зима 2011 года, стр. 4.

6. СПК «Мерга» // «КЛ», № 3 (159), лето 2011 года, стр. 4.

Переписка с читателями

И был у кацкарей... город

Здравствуй!

Есть ли упоминания о сражениях недалеко от деревни Чернятина, которая расположена при впадении реки Кадки в реку Корожечну?

Дело в том, что на кацком берегу Корожечны при Чернятине расположен лес с интересным наименованием Сеча, а на противоположном берегу – лес Осек. В Осеке на горе при повороте Корожечны прослеживается искусственный ров с заплывшими краями, который имеет округлую форму. Внутренний диаметр этого места приблизительно равен 150-200 метрам.

Рядом на горе в лесу примечательные места: Колокольня (на её месте огромный ров) и Городище (через него в 1970-1980-х годах была дорога через лес от деревень Ильинского, Подолец и Чернятина на Климатино).

Пожалуйста, если что известно о таких местах, как Сеча, Осек, Колокольня, Городище, напишите!

Денис Александрович Бурмистров,
г. Москва – д. Чернятино, Нижняя Кадка

Ответить на подобные вопросы всегда сложно. С одной стороны никаких письменных подтверждений о сражениях в устье реки Кадки мы не имеем. Всё это лишь предания – не боле. Но с другой стороны и на письменные источники целиком полагаться нельзя. Так, ни в одном из них нет и намёка о городке на реке Корожечне при впадении в неё Кадки, а ведь таковой существовал по меньшей мере четыреста лет!

Гадать, опираясь на одни лишь географические названия – дело и вовсе ненадёжное, особенно когда в их основе – слово многозначное. Возьмём лес Сеча. Конечно же, здесь могла быть и «сеча»-битва, а почему бы и нет!? Но вот «Словарь русских народных говоров» знает и другие, более «приземлённые», значения этого слова: «место, где вырублен лес; вырубка», «участок в лесу, где идёт рубка», «росчисть в лесу под пашню», «рубленный лес», «молодой лес, молодняк» и даже «разновидность изгороди». Причём все эти значения были когда-то отмечены именно в нашей Ярославской губернии!

То же и с Осеком. Можно, конечно, предположить, что на этом месте кого-то когда-то безжалостно «секли» мечами да саблями. А можно вспомнить, что слово «осек» и до сих пор в ходу у кацкарей – так называют огороженную (например, для пастьбы) часть леса.

Названия Колокольня и Городище поконкретнее. Они явно указывают, что здесь когда-то что-то было. На месте Колокольни – скорее всего, церковь, а вот «городищами» принято называть места, где в древности стоял город или укрепленное поселение.

И вот тут самое время удивить читателей из кацкарей: городок не городок, но укрепленное поселе-

ние на берегу Корожечны напротив впадения в неё Кадки в старину действительно существовало! Причём археологи о нём знают уже давно, называя по ближайшей деревне Чернятином. Вот как оно описано в книге К.И. Комарова «Археологическая карта России. Ярославская область» (издание Института археологии РАН, Москва, 2005 год, стр. 271-272):

«ЧЕРНЯТИНО. ГОРОДИЩЕ, XIV-XVII века. 0,4 километра к востоку от деревни, мысовидный выступ второй террасы правого выступа реки Корожечны. Обследовано в 1986 году К.И. Комаровым. Площадка в форме неправильного овала размерами 70 на 60 метров, высотой около 20-ти метров от реки, с юга и запада защищена крутыми склонами террасы, с напольной стороны – подковообразной дугой вала и рва общей длиной до 140 метров с проёмом в средней части шириной до 5-ти метров. Высота вала 1 метр, ширина в основании около 4 метров, глубина рва 1 метр, ширина до 5-ти метров. Поверхность ранее распахивалась. Культурный слой в виде однородной коричневой суглинистой супеси толщиной 0,3 метра перемешан старой распашкой. Найдены мелкие фрагменты по-

вой гончарной керамики XV-XVI веков».

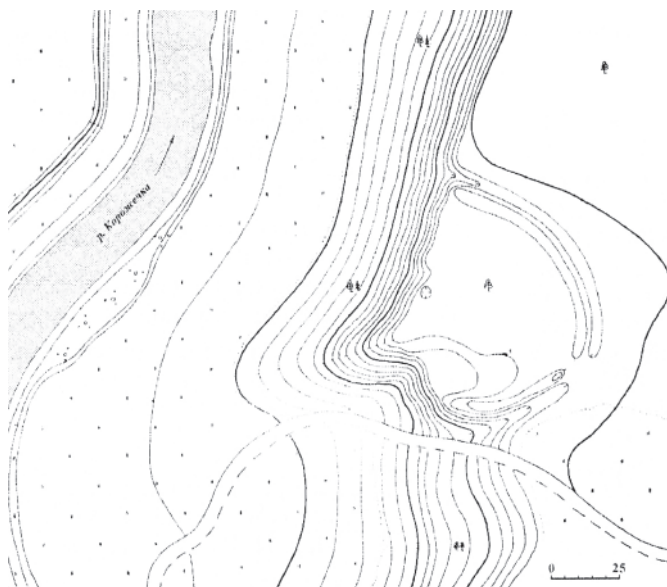
Константин Иванович Комаров – учёный известный. Он старший научный сотрудник Института археологии РАН, кандидат исторических наук, специалист в области славяно-русской и ландшафтной археологии. Появление подобных Чернятинскому городков он объясняет так (стр. 75):

«Для защиты от грабительских набегов казанских татар вводятся осадные земляные сооружения в Данилове и Любиме. Вероятно, к тому же времени относятся городище у деревни Чернятина на реке Корожечне».

Мы же в свете современных знаний истории Кацкого стана существование крепостцы при устье реки Кадки объясняем необходимостью контролировать старинную дорогу, связывавшую город Углич с соседними землями. Как раз в этом месте она разветвлялась: по Корожечне на запад в тверские пределы и по Кадке на север на реку Сить.

Удивительно, но на страницах документов этот городок почему-то не попал, даже подлинное имя его не сохранилось. Единственная память – рассказы нижних кацкарей, что в Городище «разбойники жили и вещи от разбоя раздавали простым людям». А может, кто из читателей ещё что добавит?

Ваша «КЛ»

Место, где в XIV-XVII веках располагался Чернятинский городок, обозначено маленьким «колёсиком» – справа по центру. План из книги «Археологическая карта России. Ярославская область», издание Института археологии РАН, г. Москва, 2005 год

Рождество. Есть женщины...

Нынче мода на непонятные слова: «квесты», «презентации», «флеш-мобы»... Вот и своё последнее краеведческое исследование учителя Рождественской школы назвали непросто: «социальный проект». Ну да Бог с ними, со словами – главное, чтобы с душою! А души и ещё труда авторы социального проекта «Есть женщины в русских селениях» не пожалели. И вот на исходе апреля собрали в одном из классов учеников, пригласили одноклассников – и начался удивительный процесс чистоты и искренности рассказ об их жизни. Иной раз до слёз! Каждой из героинь дети, и тоже от души, дарили номера художественной самодеятельности. Пройдут года, но эта встреча не забудется, и наша ежегодная фотография – тоже верная память о ней.

Итак, слева направо:

1. Антонина Ивановна Кулякова – человек, который, уже будучи на пенсии, не побоялся возлгать умиротворяющей здешнее ТОО (бывший совхоз) «Оборона». В 1996 году, а не в советское время! О том, какое приняла хозяйство, и сейчас трудно вспоминать: долги, невыплаченные зарплаты, проблемы с дисциплиной. Многие только головами кивали, а Антонина Ивановна потихоньку-потихоньку – а дела-то и выправила: через восемь лет, когда передавала руководство, «Оборона» уже работала с прибылью! Родилась же Антонина Ивановна от Кацкого стана далеко – в селе Русском Вичкинине Мордовской АССР. Отец Иван Фёдорович Ястребцев полюб в 1942 году под Тулой, она его и не помнит. В совхоз «Оборона» попала в 1968 году после окончания Костромского сельскохозяйственного института по распределению. Работала главным агрономом, затем директором, инженером по технике безопасности, председателем Рождественского сельсовета и снова в совхозе – инженером по кадрам. Потом снова директором, о чём мы писали выше. С мужем-кацкарем šťastливо прожила 35 лет, вырастила двух дочерей; у неё две внучки. Принимает активное участие в жизни Рождественско-Кацкого прихода.

2. Надежда Ивановна Бычкова – в совхозе «Оборона» многие-много лет главный зоотехник. Она из коренных кацкарок, из деревни Перемошья – покону Петуховых. Другие подробности о ней – в пояснениях к снимку «Арисово, Комсомольцы» («КЛ» № 5 (152), осень 2009 года). Хотя жизнь не стоит на месте, и всегда есть что добавить. Бок о бок с мужем Надежда Ивановна уже 49 лет, вдвоём держат корову, телёнка, поросят, пчёл, огород. Печёт пироги, делает сыр и рада

гостям – в том числе самым родным: трою детей у неё и трою внуков.

3. Из местных и Вера Ивановна Киселёва – из деревни Черноусова, «по-девичьи» Смирнова. В подборке старых фотографий «Кацкари» мы с ней встречались дважды – в пояснениях к снимкам «Арисово, Комсомольцы» («КЛ» № 5 (152), осень 2009 года) и «Гаральково, Ученики» («КЛ» № 4 (176), осень 2015 года). Вера Ивановна – первый церковный староста возобновлённого в 2006 году Рождественско-Кацкого храма, награждена архирейской грамотой «За труды во славу Матери-Церкви». У неё трою детей, пятеро внуков и две правнучки.

4. Татьяна Семёновна Карасёва из тех, кто оказалась в Кацком стане по распределению. Родилась она в деревне Большом Мельничном Угличского района, в семье Кошаевых, училась в Некрасовском кооперативном училище, и первое место её работы в Рождественском райпоctalовой. После декретного отпуска работала почталовном, а потом перешла в совхоз «Оборона», где долгие годы трудилась кладовщицом, в том числе и пять лет на пенсии. Сейчас Татьяна Семёновна – староста Рождественско-Кацкого прихода. Как и прежде держит большое подсобное хозяйство: корова у неё, телёнок, куры, полно цветов и овощей, в том числе неприёмные для нас дыни и арбузы. Замужем она за кацкарем из Антелиева: вдвоём с ним вырастила сына, а сейчас уже и внучка большая.

5. А вот Лидия Михайловна Голышкина родилась недалеко – в селе Юрьевском, в семье кацкарей Виноградовых-Первовых. С детства мечтала стать библиотечкарем и вот после окончания Ярославского училища культуры вернулась на Родину заведовать Рождественской сельской библиотекою. Что говорить, 35 лет работы прошли как один день! Сейчас Лидия Михайловна на заслуженном отдыхе, но ставшую родной библиотекеку посещает часто и с охотою помогает теперешнему библиотечкарю. Вдова, двое детей, двое внуков. Живёт «на льнозаводе», как говорят кацкари – то есть в посёлке Мерга. Награждена значком министерства культуры СССР «За отличную работу».

6. Нина Васильевна Друянкина родилась в Холяеве (впрочем, писали и «Холесово») – деревне, основанной в XVIII-м веке господами Тютчевыми на краю Кацкого стана. Отца своего не помнит и даже ни разу не видела: родилась, когда мать гостила на Родине, а он оставался работать в Ленинграде. И тут война! Василий Иванович Шерстнёв был призван на фронт и в 1942 году погиб; мать растила дочку одна. Сразу после Рожде-

ственской семилетки устроилась учёточка траторской бригады колхоза «Знамя Ленина». А дальше – свадьба, переезд в Рождество. Работа в Сбергассе, в совхозе «Оборона» экономистом, секретарём в Рождественском сельсовете. Сейчас вдова; у неё двое детей, трою внуков и правнучка. Вместе с другими активистами села много занимается восстановлением храма.

7. Валентина Леонтьевна Платонова родом из села Вешки Владимирской области, и девичья фамилия её Федина. У отца-матери было девять детей, и она самая младшая! А в Рождестве оказалась, потому как вышла замуж за здешнего парня – познакомилась с ним во время его службы в армии. По специальности бухгалтер, но всю трудовую жизнь свою – 33 года – отработала продавцом райповского магазина. Награждена правительственной наградой «За трудовое отличие». Сейчас на пенсии, вдова; занимается огородом и садом, где у неё много цветов – в особенности роз и хризантем. И вообще, Валентина Леонтьевна – большая рукодельница: делает много заготовок, осваивает новые рецепты салатов, печёт пироги, прядёт и вяжет. У неё двое детей и трою внуков.

8. Валентина Николаевна Соколова: когда-то очень давно – в пояснениях к снимку «Рождество». Семья Карповых» («КЛ» № 2 (136), весна 2006 года) – мы уже писали о ней. Что с тех пор изменилось? Валентина Николаевна овдовела. Скотины уже не держит, но ведёт большущий огород. Прошлой осенью насушила шесть мешков яблок и накрутила сто банок компота; угощать есть кого – от троих детей племя: семеро внуков и два правнука.

9. Родина Алевтины Михайловны Смирновы – деревня Грибаниха Мышкинского района. В Рождестве-то же, как и многие из её товарок, она приехала по распределению – медсестрой в Рождественскую сельскую больницу после окончания Рыбинского медицинского училища. Отдала ей 29 лет, и поработала б ещё, если бы больницу не закрыли. Сейчас Алевтина Михайловна – социальный работник, у неё на обслуживании восемь бабушек из разных деревень. Работа нравится: бабушки позитивные, и до сих пор набираешь от них жизненного опыта – судьбы-то их намного сложнее наших! Впрочем, и сама Алевтина Михайловна – человек отзывчивый, в помощи никогда не откажет. Вырастила дочь, которая тоже выучилась на медика.

Сергей Темнякин,
Этнографический музей кацкарей

РОЖДЕСТВЕНО. ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ... 28 апреля 2017 года.

Снимок Александры Владимировны Зледенной, с. Рождествено в Кадке

А назагладочку

Разговор с прошлым

*Тьма на дворе, затих уснувший ветер,
Негромкий стук в оконное стекло.
Вопрос «Кто там?» остался без ответа –
Ну что ж, иди в домашнее тепло.*

*Открылась дверь, и прадед сел напротив,
Армяк поправил, ладти под скамью.
О чём поговорим? Не о погоде –
Поведай, отче, думушку свою!*

*Пришли сюда, срубили себе избы,
Церквушку на высоком берегу,
Носители простых крестьянских истин –
Всё торопились, жили на бегу.*

*Детей растили: пусть им будет лучше –
Извечная народная нужда.
Поклон кресту, и так, на всякий случай,
Молились солнцу, ветрам и дождям.*

*И берегли поля, луга и речку,
Берёзовые шелесты в лесу.
И облик малой Родины навечно
Через любое время пронесут.*

*Вот так и я когда-нибудь вернусь,
И пусть нескоро, в будущих столетях,
Узнать, что сохранилась эта Русь –
Тот дух её, что оставляли детям.*

Павел Николаевич Голосов,
с. Ордино, Нижняя Кадка

Троицкий храм. с. Ордино, 17 июля 2007 года.